

ОБРУЧЕННЫЕ ХАОСОМ

Александра Гринберг
Анна Змеевская

18+

Анна Змеевская
Александра Гринберг
Обручённые Хаосом
Серия «Дети Хаоса», книга 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51067472

SelfPub; 2020

Аннотация

Пять лет назад я думала, что не вернусь домой. Никогда. Ни за что. Ведь там был тот, кого я любила больше всего на свете. Тот, кто предал и унизил меня. Тот, кому я жестоко отомстила за своё разбитое сердце... Но пять лет – долгий срок, а нашего бога не зря называют Судьбы Прядущим. Мою судьбу с судьбой моего кузена Хоты он сплёл крепко-накрепко – не вырваться, не сбежать, не спрятаться. Да и как можно сбежать от сильнейшего альфы Севера? Никак. Не тогда, когда он твёрдо решил сделать меня своей.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	19
Глава 3	42
Глава 4	72
Глава 5	96
Конец ознакомительного фрагмента.	97

Глава 1

«Прядильщик что твой папаша, – любит говорить моя мама. – Сколько этим двум напастям ни противься, они всё равно добьются своего».

Что здесь можно добавить? Воистину так. В моём случае обе напасти – вездесущее божество и не менее вездесущий папа – удручающе единодушны. И поэтому я вот ни капельки не удивилась, получив официальное назначение не в столицу, не в Нью-Алькасár, даже не в Саргón или Джáйлкрэст... а в родной Греймор, под начало верховного мага мбóргринской гильдии. Немного досадно, но в общем и целом вполне ожидаемо. Моя тётушка фактически королева северных земель, а мой отец – её верный цепной, хм, медведь и вожак самого сильного клана Севера. Ну, был вожаком до недавних пор.

В общем, никто в здравом уме не захочет связываться с моей роднёй. Для таких эскапад надо иметь стальные яйца и совсем не знать, что такое инстинкт самосохранения.

– Не волнуйся, Реджина, – отчеканил Мегáр, сооротив свою любимую каменную физиономию супергероя, готового сию же секунду мчаться спасать неблагодарное человечество, – я с этим разберусь.

О, кажется, у нас есть кандидат в смертники – он же по совместительству мой... мой...

Даже не знаю. Мой парень? Смешно, он меня на двадцать пять лет старше. Любовник? Слишком пафосно. Возлюбленный? Вообще мимо, нежными чувствами тут и не пахнет. Иногда он мне нравится, но всё чаще охота ему нос набок свернуть. Сама-то не пойму, отчего я до сих пор с ним встречаюсь...

Как же, не поймёшь. Скажи уж честно, дело в тщеславии: самый завидный холостяк Нью-Аркадиана волочится за тобой почти два года. Не думала, что эта блажь так надолго затянется, но вот поди ж ты – он всё ещё здесь. И он *разберётся!*

– С чем ты разберёшься, Мегар? – уточнила с нарочитым недоумением, свирепо вонзив ложечку в шоколадное пирожное.

Хаос, но как же он бесит иногда! Впрочем, тут дело не столько в нём, сколько во мне. Почему-то мужчины вроде майора Хартасёрры не желают в своей жизни и постели миленьких дурочек, которые станут угождать во всём и преданно заглядывать в рот. Нет. Нет, блин! Им подавай женщину-альфу! Тигрицу к тому же, что даёт отличный бонус к скверности характера.

Ну да, я оборотень и маг. Аномалия. Не первый случай в мире, но всё же большая редкость. Обычно такое бывает с полукровками, однако мои родители клялись и божились в своей чистокровности.

Помню, по глупости и малолетству на полном серьёзе за-

явила, что я приёмная, и потребовала свидетельство об усыновлении... Не обиделись, слава Прядильщику, но ржали очень долго. Теперь и самой смешно, особенно как в зеркало глянуть. Я больше похожа на мать, однако и от медвежьей родни взяла предостаточно; тут захочешь – не отвертишься от всей этой косолапой братии!

– Я вроде бы ясно дал понять твоему декану, что ты останешься в Аркади и продолжишь работать на Железный Ковен, – точно забыв прочитанное, Мегар снова подвинул к себе приказ о моём назначении. – Да в своём ли уме Совет Девяти? Выпускницу с исключительным даром, мага четвёртой ступени, наш платиновый резерв – и засунуть в эту никчёмную северную дыру! Глазам своим не верю! И что ты будешь там делать – координировать поставку сахарных косточек для местных блохоловок?

Ого, а он вышел из себя. Лестно даже. Обычно Мегар Хартасерра, верховный маг Железного Ковена и отставной майор Серого Легиона, держит под контролем всех и вся, включая свой южный темперамент. Может даже показаться, что никакого темперамента у него вовсе нет... Но есть, и ещё какой.

Да только я тоже не самая кроткая киса во вселенной. Особенно если мне со всей дури наступить на хвост.

– Я сама – блохоловка, а никчёмная северная дыра – мой дом! – прорычала я, со звоном уронив ложку на край ажурной тарелочки. – Какого Хаоса, Мегар? Не знаю, что ты там

себе надумал, однако меня всё устраивает. И не советую со-
ваться к декану Аморин со своими ценными указаниями, ес-
ли не хочешь в тот же день повстречаться с моим папочкой...

– Хочу, – немедля заверили меня. – Давно пора познако-
миться с твоей семьёй, Реджина; это уже просто неприлично.

Я от таких заявлений едва не скакнула за краешек терра-
сы. Наш столик как раз в самом углу; шустро перемахнуть
через перила – и вот меня здесь уже не-е-ет...

Ладно, ладно, я всё ещё здесь. Мне всё-таки уже не семна-
дцать глупых лет, и от проблем я стараюсь больше не бегать.

– Моя семья на сто процентов состоит из оборотней, – на-
помнила, одним большим глотком допив уже почти остыв-
ший кофе. Подтянула к себе приказ о назначении, сложила
его пополам и небрежно пихнула в конверт с эмблемой Ма-
гистерии – девятиконечной звездой в равностороннем тре-
угольнике. – Тебе они не будут рады, учитывая, сколько на-
ших меховых собратьев ты отправил на тот свет.

Мегар на это лишь отмахнулся с раздражающе самоуве-
ренным видом.

– О, дорогая, они же были преступниками! Уверен, твои
родители – разумные, хм, нелюди и понимают, что я всего
лишь делаю свою работу.

М-да? А я уверена, что мой папенька и без всяких зна-
комств мечтает прибить к стене возле камина голову моего
теперь уже бывшего... шефа.

Да я и сама мечтаю, едва лишь слышу вот этот самодо-

вольно-снихождительный тон. С женщинами Мегар по-другому просто не умеет: мы для него все сплошь хрупкие и неразумные создания, которых надо оберегать от жестокости и несовершенства этого мира. А каким образом у него в голове сочетаются вздорный ребёнок, которого нужно воспитывать да опекать, и взрослая женщина, которую он весьма охотно затащил в постель... ну, это одни боги знают. Я давно уже отчаялась понять мужчин и то, как работают их мозги.

– Почему мы вообще это обсуждаем? Неужели мы с тобой назначили дату свадьбы, а я почему-то позабыла этот знаменательный день?..

На суровом смуглом лице моего теперь уж точно во всех смыслах бывшего вдруг проступило нечто сродни смущению.

– Раз уж ты сама завела разговор... Конец сентября тебя устроит?

Какое-то время я только и могла, что ошалело хлопать ресницами.

Он что, решил жениться на мне? Верховный маг самого грозного ковена во всей республике, ветеран двух военных кампаний, самый завидный холостяк Нью-Аркадиана и прочее, прочее...

Мне бы чувствовать себя польщённой, наверное. Но я лишь взбесилась пуще прежнего.

– Это типа предложение было? Рядовой киса, узаконивать отношения шагом марш? Серьёзно, что ли? – уточнила с на-

рочитым спокойствием. А затем поднялась из-за столика и щелчком пальцев призвала из пространственного кармашка несколько двадцаток. Не из гордости, просто чтобы досадить мистеру Эта-ваша-северная-дыра – он терпеть не может, когда я пытаюсь за себя заплатить. – Не то чтобы ты заботился о моём мнении, но... нет. *Нет.* Не-ет!

И ведь даже голос не повысила, а всё равно Мегар страдальчески поморщился, точно я закатила истерику со слезами, соплями и причитаниями на весь ресторан.

– Реджина, ну зачем устраивать сцену?

– Прощальный секс – вот всё, что я собиралась устроить, – мило улыбнулась ему и тут же жёстким тоном отрезала: – Я возвращаюсь в Греймор. Не потому, что мне так сильно хочется, но потому что там моё место. Ты бы знал это, Мегар, если бы я по-настоящему тебя интересовала.

– Ты всегда меня интересовала! С той самой секунды, как я тебя увидел! – он тоже вскочил с места, гневно глядя на меня. Посетители на другой половине террасы заинтригованно вытягивали шеи, уже не пытаясь делать вид, что не подслушивают. – Разве может такая красивая, умная, талантливая девушка мечтать уехать в эту убогую обледенелую провинцию? Поставить на себе крест? А дальше что – бросишь работу, выскочишь за того трахнутого на всю голову кузена и родишь свору медвежат?.. Нет, мать твою тигрицу, не смей уходить посреди разговора! Реджина! Эй!

Но я ушла и даже ни разу не оглянулась. И так слышала,

что Мегар за мной не идёт. Да и с чего бы ему? Слишком он гордый, чтобы бегать за всякими вздорными малолетками... ну вот и слава богам.

Настроение он мне испортил знатно. И да, заставил почувствовать себя какой-то бездушной стервой, плюющей на чувства других, но... но... я ведь даже не предполагала, что Мегар всерьёз захочет на мне жениться! Думала, повеселимся и разбежимся. А сам-то он о чём думал? Мне двадцать два года, я окончила колледж три недели назад, ну какие свадьбы?

Никаких. И ни с кем, включая трахнутого на всю голову кузена. Вот ещё не хватало.

На часах начало шестого – самое время для пробок. Однако до нашей с Оливером квартирки в двухэтажном доме близ Восточного парка я добралась очень быстро. Настроение, правда, от этого не сильно улучшилось.

– Мать моя магиня, неужели у майора не встал на такую красоту? – похабно ухмыляясь, Сэра вышла навстречу, как только я закрыла дверь и сбросила туфли. – Ох, Свет, Джинни, на тебе ж лица нет. Что случилось?

Вообще-то я живу с её братом, но Сэра так часто зависает с нами, что даже не спрашиваю, какими судьбами её сюда занесло. Тем более и так понятно, что близнецы Маккензи затеяли вечер обжираловки. Тигриный нос послушно доложил, что в гостиной я найду шоколадный торт, лимонные пирожные, пряную вэйданскую лапшу в коробочках, па-

ру-тройку пицц и ещё целую гору вредной, жирной, божественно прекрасной еды.

Судя по количеству той самой еды, меня тут явно ждали с нетерпением. Вот и отлично. Что значит «только вернулась из пафосного ресторана»? Я же оборотень, крупная хищница – а значит, всегда голодная!

– Вот это, для начала, – буркнула я, достала из сумочки злосчастный конверт и вручила его подруге. Пока она общается к новости о моём скором отъезде, можно сбегать к себе в комнату да сменить кораллово-розовое коктейльное платье на что-нибудь попроще. А заодно и от нового бельишка избавиться. И на кой старалась? Понятно, что прежде всего для себя – люблю принарядиться, – но очередную вспышку досады на майора с его марьяжными планами всё равно ощутила.

Едва я показалась на пороге гостиной, Сэра тут же усадила меня в широченное низенькое кресло и решительно пихнула мне в руки бутылку.

– Серьёзно, Реджина?! Сделай морду поприятнее, не в лотке копаешься! – Я только фыркнула – шутейки про мою кошачью природу у нас с однокурсниками уже давно стали привычным делом и включены в обязательную программу любой гулянки. А ведь поначалу их всех здорово пугала сама мысль о том, что я могу едва не по щелчку пальцев перекинуться в тигра. – Готова поспорить, это одно из лучших предложений, которое ты могла получить... Нет, вообще-то

оно и есть лучшее. И снова нет – оно просто охренеть какое!

Хм, надо же, а я думала, она расстроится. У меня у самой-то глаза на мокром месте от одной мысли, что я уеду, а они с Олли останутся здесь. Ну хотя с ним до сих пор не ясно. Может, он в итоге окажется поближе ко мне? Было бы здорово. Мы с Сэрой отлично ладим, но именно Олли – тот, кто все эти годы был со мной рядом. В горе и в радости.

Я сделала глоток из бутылки и поморщилась. Ну и дрянь! Горькая и вонючая. Как только Сэра это пьёт?

– Да я не скажу, что опечалилась или хотя бы удивилась, – пробормотала я, чуть спешно приткнув пиво рядом с коробочкой из-под лапши. – По идее было проще самой подать заявку. Никогда особо не верила, будто мне удалось сбежать из Греймора навсегда.

Не верила. Но как же, чтоб их всех, обидно, когда ты с самого рождения не принадлежишь самой себе! Не успели меня наречь пафосным морнуотским именем «Рэгинхильд» да уложить в колыбельку, пророчица клана гро Магрát уже прозвала меня «искусным орудием Прядильщика», «проводником божественной силы» и ещё какой-то там фигнёй...

Невестой Хаоса. Она нарекла меня невестой Хаоса, и ничем хорошим это не кончилось. Ни для меня, ни для того, кому я была обещана.

– А чего такая кислая? – снова нахмурилась Сэра, откинув со лба волосы. В этом месяце они у неё кислотно-жёлтые, точь-в-точь моё любимое лимонное драже. – Север – твой

дом, а твоя пушистая семья души в тебе не чаёт. Прикольные у тебя предки, не чета нашим с Олли... И ладно бы ещё тебя в подмастерья пихнули, так ведь сразу на должность второй помощницы архимага!

Вот это, что уж там, действительно польстило. Не должность, а оказанное доверие. Скордо гра Избурга я чуть не с младенчества знаю: глава моэргринской гильдии нипочём не взял бы меня под своё крыло, если бы не считал достойной.

– Это всё моя харизма.

– Скажут, насосала, – заявила Сэра в обычной своей манере. Моя подруга обладает деликатностью реликтового мамонта, ну да ладно, я её не за тактичность люблю. – Я б сама сказала, если бы знала тебя похуже.

– Не скажут, – надменно фыркнула я, задрав нос кверху. Но тут же, не удержавшись, хихикнула. – Чего ты как маленькая? Ясно как день, меня везде папочка пропихивает.

– И в стриптизёрши тоже? А мне показалось, он тогда был не в восторге.

– Да сколько ты будешь мне это припоминать?!

– До старости, конечно же!

Будет, ещё как. И плевать ей, что раздеванием на публику я никогда не промышляла. Всего лишь танцевала. В почти даже приличном клубе, куда далеко не каждый был вхож. И вовсе не ради денег, пусть и весьма неплохих, просто... мне тогда это казалось чем-то очень нужным. Не пляски у пилона, а то обманчивое чувство собственной значимости

– оно знакомо любому, кто когда-либо выступал на сцене. Ложное ощущение власти над каждым из тех самодовольных богатеньких проходимцев, что пялились на меня снизу вверх, алчно и восхищённо, как на невесть какую красавицу...

Ну да, комплексы. Каждая девочка-подросток через это прошла, что обо мне-то говорить? Это у папы с мамой я уникальная снежинка, а от сверстников в прошлом прилетало и за высоченный рост, и за отнюдь не северную масть, и за жёлтые тигриные глаза. Нет на свете других таких жестоких ублюдков, как детишки в младшей школе.

– Ай, к Хаосу! – я скомкала гербовую бумажонку и демонстративно зашвырнула в самый дальний угол гостиной. – Греймор так Греймор, им же хуже. Но не представляю, как мне теперь без вас, моей любимой парочки полудурков?.. Кстати, а где оставшийся кусок нашего дурного сэндвича?

– Олли-то? – Сэра усмехнулась, глядя на мои жуткие корчи – это я в очередной раз попыталась распробовать пиво. Безуспешно, да. – Скоро будет. Надеюсь, что с сюрпризом для твоей полосатой задницы.

Олли и впрямь вскоре явился. С бутылкой моего любимого лимонного ликёра и худенькой пачкой документов. И один взгляд на всё это богатство заставил меня совершенно по-детски завизжать да радостно повиснуть на шее у моего лучшего друга.

Мегар бы поморщился и принялся выговаривать за недо-

стойные взрослой женщины манеры – честное слово, он иногда в сто раз хуже моего родного отца (вот уж кому до моих манер сроду дела не было). Пожалуй, я и впрямь буду рада уехать в Греймор, подальше от неудавшегося женишка.

Боги, почему фигну сотворил он, а стыдно мне?

Но какая всё-таки запредельная наглость! Подойдёт ли мне конец сентября? А подойдёт ли вам катиться к шогготу в задницу, майор Хартасерра? Если всерьёз хотел жениться, неужели я не заслужила пару-тройку комплиментов и сопливых фраз, красивое колечко и – ах, да! – спросить моего согласия? Само собой, я бы всё равно отшила, но помягче. Расстались бы по-хорошему. И я бы не чувствовала себя так неловко...

Нет уж, не буду сейчас об этом думать. А говорить и недавно не собираюсь. К чему портить вечер себе и друзьям?

– Чего ты такое лицо сделал? – шутливо возмутилась я, глянув на сморщившегося Олли. – Настолько неприятно моё внимание?

– Твоё внимание мне всегда приятно, – улыбнулся он. – Просто представил, как надулся бы твой солдафон.

Вечно он читает мои мысли! Я рассмеялась и снова стиснула Олли в объятиях; тот ойкнул и принялся просить пощады. Пришлось отпускать да спешно извиняться: проведя две трети жизни среди оборотней, я до сих пор иногда забываю о том, что люди гораздо более хрупкие.

– Как ты это устроил? – я опустилась на диван и с жад-

ным любопытством уставилась в бумаги о направлении Оливера Маккензи в моэргринскую гильдию. Прядильщик, чтоб твою паучью натуру, это же так нечестно! Сидхе с ней, с хорошей должностью, но как я могу отказаться, когда мой лучший друг едет в мой дом! – И почему вы, засранцы, ничего мне не сказали?

– А вдруг не вышло бы? – резонно заметила Сэра, перекинув ноги через подлокотник захваченного кресла. – Не хотели тебя лишний раз обнадёживать.

– Шансы были довольно велики, – Олли сел рядом со мной и принялся распечатывать бутылку. – Говоря по-честному, мало кто согласен по доброй воле ехать на север. Любому желающему были бы рады, а уж мне... – он усмехнулся чуть грустно. – Ну, как понимаешь, от меня с радостью избавились. Думал, девицы в кадрах прямо при мне ударят по рукам да закатят ужин с танцами.

Вот так ведь и не скажешь, что Олли – человек добрейшей души и безобидной наружности – чёрный маг с жутким даром. Единственное пятно на безупречной репутации семейства Маккензи, всем известной династии светлых магов. Та ещё семейка, даже в Грейморе их все знают: они славились своей нетерпимостью ещё с начала Третьей Эры, во времена Чёрного Исхода, когда все изуверства над нечистой творились с полного одобрения Первой Святой Инквизиции. Жаль, Гектор Воскреситель не скормил своей армии нежити всех этих лицемерных мерзавцев... с другой стороны, если

бы после Исхода не осталось ни одного Маккензи, на свет никогда бы не появились такие чудесные люди, как Серафина и Оливер.

Я снова приобняла его, утешая, и по кошачьей привычке потёрлась щекой о мягкие непослушные волосы. Они у него точно красное золото, я за все пять лет знакомства так и не перестала немного завидовать. А ещё недоумевать, зачем его сестра-двойняшка, такая же рыжевато-золотистая, красится в термоядерно-попугайские цвета. Не то чтобы хоть кто-то из нас помнит, как Сэра выглядит со скучными нормальными волосами.

– Наплюй, ладно? Обещаю, в Моэргрине всё будет по-другому: никто не станет судить тебя только за окрас магии. А кто посмеет, тот будет иметь дело со мной!

Олли насмешливо вздёрнул бровь, явно пытаюсь передрознить мою экспрессивную мимику.

– Ты защитишь мою честь, да, Джинни?

– Когтями и клыками!

Но, надеюсь, не придётся. Всё-таки у нас к тёмным куда более лояльное отношение: Воскреситель уничтожил Первую Инквизицию и спас всех, над кем она измывалась. Спасал он, конечно, других тёмных магов, однако если бы не он, то и оборотней могли бы давно перебить, как бешеных зверей.

– Нет, но как ты всё это так быстро провернул?

Олли, потянувшийся было к вожделенному шоколадному

тортику, так и замер с протянутой рукой.

– Ну... задобрил миз Стюарт щедрым и вкусным подношением?

Я сама, конечно, за еду готова на многое, но здесь что-то не особо верится.

– Давай, колись!

Олли и Сэра таинственно переглянулись. Ой, да чтоб их! Знают же, что мы, кошки, ужасно любопытные!

– Честно говоря, – наконец подал голос мой друг, – пришлось немного слукавить.

– И в чём же именно?

– Ну-у...

Глава 2

– Поверить не могу, – вновь припомнив разговор двухнедельной давности, со смешком покачала головой. – Ты и впрямь убедил дамочек из кадров, что мы женимся!

– Не пришлось убеждать, – пожал плечами Олли, коротко глянув на меня, и снова уткнулся в книгу. – Только намекнул, а дальше они уже чуть ли не придумали имена дюжины наших детишек... Чего ты кривишься? Понятно, мы бы никогда, но если б вдруг – грех было бы заделать меньше, – он широко распахнул глаза в деланом восторге. – Да ладно, киса, ты только представь: твоя красота и мой интеллект!

– Почему это твой? – фыркнула я чуть возмущённо. – Напоминаю, по успеваемости я была четвёртой на потоке!

– Да, но я-то был вторым.

Ну допустим. Хотя мысль о наших с Оливером совместных детях всё равно вызывает приступ нервного хихиканья. Мы бы и впрямь никогда! Нет, он очень привлекательный парень и прекрасный друг, но совсем не в моём вкусе – и это взаимно, к счастью для нас обоих. Я дорожу нашей дружбой. Смогли бы мы её сохранить, если бы стали встречаться?

Не смогли бы, Реджина. Ни фигя подобного. Уж не так ли ты потеряла самого лучшего друга, что у тебя когда-либо был?

Невеста, чтоб его, Хаоса.

Когда я родилась, моему кузену Хóте гро Маграту было восемь лет – и уже с тех самых сопливых пор мы друг в друге души не чаяли. Он всегда был рядом, сколько я себя помню. Всегда. Даже когда он уехал в свой треклятый юридический колледж, о котором так мечтал, я не чувствовала себя покинутой – ведь даже на расстоянии в сотни и тысячи километров мы не забывали друг о друге.

Вот только чем старше я становилась, тем меньше наши отношения походили на дружбу – и тем сложнее приходилось. Да и проблематично смотреть на кого-то как на друга, когда все вокруг с придыханием вещают про то, что вы повенчаны самим Хаосом, а ваши детишки, прекрасные, как рассвет над местным озером с тентаклями, во славу Прядыльщика поднимут Север с колен...

Ну ладно, почти все. Папа, прежде так довольный нашей дружбой, не мог и дня прожить, не кинув на своего племянничка ястребиный взор в духе «тронь мою маленькую принцессу и расстанься с яйцами»; и если лет в четырнадцать-пятнадцать это ещё было смешно, то в семнадцать мне самой хотелось кастрировать обоих. И отца с его ревнивой гиперзаботой, и Хоту с его смешанными сигналами. Он то отстранялся и едва смотрел на меня, то прилипал намертво и не давал проходу; зажимал в укромном уголке и целовал так, что колени подкашивались – и пропадал с глаз на добрую неделю, а то и на две...

Это теперь, повзрослев и лучше узнав мужчин, я пони-

маю, как трудно ему было свыкнуться с мыслью, что его влечёт к девочке-подростку, которую он знает с пелёнок. А тогда я лезла на стенку, ужасно злилась и чего только ни надумала...

Но даже и представить себе не могла, что Хота меня предаст.

Тот, кого я любила больше всего на свете, кому доверяла безоговорочно и ради кого была готова на что угодно.

Тот самый Хота, который никому не давал меня в обиду, утешал, когда было плохо и грустно, и всегда мог заставить меня улыбаться.

Хота, который звонил по межгороду и до глубокой ночи трепался со мной, подчас жертвуя часами сна и учёбы. Называл меня самой красивой девочкой на Севере и во всём целом мире. До кровавых соплей избил своего друга, когда тот полез ко мне с приставаниями...

Хота, который, мать его медведицу, трахал всё, что не пытается уползти. Ох, Джинни, какой же непроходимой дурой ты была!

Нет, ну конечно же, я никогда не воображала, что взрослый оборотень-альфа бережно хранит для меня свою невинность. Иметь опыт – нормально. Но это не значит, что можно было позорить меня так, как это делал он! С каждым днём игнорировать шепотки за спиной и жалостливые взгляды становилось всё труднее, однако я честно пыталась. Ну как же, это ведь мой Хота, он ни разу в жизни мне не солгал!

А если я чего-то не видела, то, значит, этого и не было, да.

Что ж, настал день, и я увидела всё своими глазами...

– Реджина, ты в порядке? – позвал Олли чуть обеспокоенно. – Может, я поведу?

– Я в порядке, – пришлось приложить все силы, чтобы голос не задрожал. – Где-то через час будем в Хварне. Переночуем, а с утра сможешь пофоткать свои любимые горы и прочую местную глушь.

– Ну никакого почтения к своей родине!

– Я альфа, у меня почтение в заводских настройках отсутствует.

И здравый смысл, видимо, тоже. Иначе почему я снова решила растравить эту рану? Пять лет прошло, а до сих пор невыносимо вспоминать тот вечер, когда всё покатилося к демонам в ад.

Уна гро Гален всегда меня терпеть не могла – наверное, потому что Хота был готов залезть на любую девицу, кроме неё. (Могу его понять: она та ещё сука, даром что медведица, и за прошедшие пять лет наверняка не сильно изменилась.) Именно она и сослужила мне услугу – медвежью, ха, – с преисполненным сочувствия лицом поведав и обо всех шашнях моего так называемого наречённого, и о том, где и с кем он развлекается, запропав на четыре дня.

И она не соврала.

Как ни удивительно, тот вечер я почти не помню. Даже вымаралось из памяти имя той девки, светловолосой нахаль-

ной волчицы с такими буферами, о каких мне и по сей день можно лишь мечтать. Впрочем, Хоте тоже стало не до неё, когда я сломала ему нос и выбила пару зубов. Но он будто и не заметил. Всё тащился за мной по морозу, полуголый и весь в собственной крови, хватал за руки, нёс какую-то чушь – мол, страсть как любит и всё объяснит...

Мне не нужны были объяснения. Только лишь оказаться от него как можно дальше, чтобы не сотворить что-нибудь ужасное. Чтобы не было так больно и мерзко, точно внутри кто-то расплескал едкую кислоту, а по голове со всей дури въехали кувалдой. Счастье, что Хота решил не испытывать судьбу и дал мне уехать.

Три дня я просто валялась в постели, отказываясь от еды и глядя в потолок. Периодически слушала равнодушно, как мой папа нефигурально спускает Хоту с лестницы, а мама мнётся за дверью и спрашивает, не хочу ли я поговорить.

Я не хотела.

А на четвёртый день, вдруг подорвавшись посреди ночи, как попало побросала вещи в дорожный рюкзак, села за руль и уехала.

С Хотой вскоре было покончено раз и навсегда. Как и с той наивной идиоткой, для которой он мог заменять целый мир. О нет, с меня было достаточно...

...а сейчас вот мой кар тоже решил, что с него достаточно, и заглох прямо посреди дороги.

– Да серьёзно, что ли? – рявкнула я, со злостью хлопнув

ладонью по приборной панели. – О Хаос, за что?! Когда только эти грёбанные южане сделают хоть одну нормальную гибридную колымагу?

– Полегче, Реджина, – Олли со вздохом глянул на почти дочитанную книжку и отбросил ту на заднее сиденье. – Сдаётся мне, не в колымаге здесь дело.

И – ну кто бы сомневался! – он прав. Даже под капот не пришлось заглядывать: причину наших бед я буквально ощутила кожей.

– Откуда вообще близ Хварна взялся разлом? – нахмурился Олли, как обычно всё поняв по одному лишь выражению моего лица. – Что? Чего ты веселишься?

Ни разу не веселюсь. Просто нервы.

– У моей мамы, помнится, был похожий вопрос, – пояснила я, кое-как уняв смех.

– И?

– И где-то через годик появилась я. Помяни моё слово, с минуты на минуту случится какая-нибудь хрень.

– Не слишком самокритично?

– Не ты ли когда-то давно шутил, что уроды должны держаться вместе?

Перекинувшись с Олли ещё парочкой беззлобных шпилек, споро выбралась из кара и прошла чуть дальше по дороге, силясь нащупать незримые струны волшебства. Чем дальше мы заезжаем в родной Греймор, тем гуще и слаще кажется воздух, пропитанный магией Хаоса...

А я, Реджина Маграт, не только тигрица-альфа, но и заклинательница завесы. С Хаосом мы вроде как на короткой ноге. Подчинить эту хтонь не способен ни один маг, но я вполне могу уговорить её вести себя прилично.

На словах, правда, оно куда проще, чем на деле.

– Примерно двадцать километров на северо-восток, – сухо поведала я, вернувшись к Олли. – Уровень 4А, не ниже. Возможно, я смогу запустить двигатель и даже протащить нас до разлома, но на это уйдёт весь мой резерв, и закрывать разлом будет нечем.

– Я могу перегнать тебе свой.

– Хм, ну да, тогда возможны варианты...

Додумывать их, к счастью или к сожалению, не пришлось: к чуть слышному звону нитей волшебства примешался куда менее эфемерный рёв мощного мотора. Вдалеке показался тяжеловоз, и я со стоном спрятала лицо в ладонях.

Хаос, да ты издеваешься! Дальше что, из тяжеловоза выкатится сварливый старый гном и потащит нас в кабак по любимую мамину настоечку с медком и ягодками?

«Вот так я и очутилась замужем! – каждый раз, едва завидев злосчастное пойло, принималась возмущаться мама. – Никогда, слышишь – никогда не пей эту дрянь! Особенно если поблизости ошиваются грёбаные медведи!»

Замуж мне, после всего дерьма с любимым кузеном, захочется разве что в следующей жизни – так что предупреждению стоит внять. Ну да я никогда и не была любительницей

крепкого алкоголя.

Почти никогда...

Гном оказался довольно приветливый и вовсе даже не старый – лет пятидесяти на вид, с куцей бородёнкой и хитрющим взглядом.

– Ну чес-слово, я мог бы тут новый бизнес замастрячить! – весело возопил он, на удивление ловко выскочив из своей зверюги. – Что ни день, то выручай с разлома столичных детишек! Когда ж эти криворукие южане научатся уму-разуму да приличную машинку смастерят?

– И оставят вас без прибыли, почтенный мастер? Как можно! – усмехнулась я, снова выбираясь из салона. – К вашему сведению, я северянка и за всю жизнь ни разу не попадала в аномальную зону. Тем более не ожидала, что такое может случиться у самого краешка приграничья!

Вернее, обычно я этих самых зон просто не замечаю: рядом со мной техника обычно продолжает работать, невзирая на магические помехи. Если аномалия слабая – достаточно лишь моего присутствия, чтобы выровнять фон.

– То верно, милая, места у нас тихие, – согласился гном, оглядев меня с неприкрытым восхищением. Уж не знаю, компенсация это или стремление оставить после себя потомство повыше, но гномы жутко падкие на высоких девиц. А во мне роста метр восемьдесят, никак не меньше. – Во дурак я слепошарый, не углядел сразу-то нашу северную статью!..

Ну ещё бы он углядел. Моя мама с дальнего юга, и от джа-

м'ри во мне ровно столько же, сколько от грейморцев. Волосы чёрные, кожа пусть и бледная, но оттенка кофе с молоком, а глаза вообще жёлтые, тигриные. Северная статья, ну надо же! Видит Прядильщик, эти полурослые точно как мой папа: тот тоже любит задним числом вещать, что он всё сразу знал, понимал и видел.

– Бросала б ты своего столичного задохлика, а, чернявенькая? – вовсю распинался гном. – Ты девка видная, а у меня два сынка холостых. Да не абы какие нищевороды, любому папе такой зять нужен!

– Между прочим, я всё слышал, – ко мне присоединился Олли, старательно сдерживающий смех. – Чем это я нехорош для моей Джинни?

Гном всплеснул руками да состроил такую страшную физиономию, точно «задохлик» взял у него в долг и отказался возвращать.

– Кувалду тебе в зад, дурень! Такую бабу на южном хламье катать... это же ж совсем мозгов не иметь надо! Кабы не я, куковали б тут незнамо сколько! Ух, будь я её папашей – хером бы тебе по лбу, а не дочка-красавица!

Мой друг эту гневную отповедь не стерпел и некультурно заржал, а я сама только фыркнула, с детства привычная к своеобразным манерам ушлого полународца.

– Тьфу, краля столичная! Вот и сдался такой нашей северной девице?.. – глянув на Олли как на безнадёжного кретина, гном снова обратился ко мне вдохновенный взор. – Ты

чья у нас будешь-то, чернявенькая? Звать тебя как?

– Регинхильд гро Маграт, – ответствовала я, кротко потупившись. – Слыхали про таких, почтенный мастер?

Меня одарили оценивающим взглядом. Уж думала, документы потребует, но обошлось: тёмные глаза гнома вдруг расширились, и он широко улыбнулся, будто увидел старого друга.

– Да ты ж Шандарова дочка! Как же, как же не знать! Ну давай, девонька, садись в машинку мою, а то что за позор – посередь глуши да возле такого хлама! И дружка своего, так и быть, сажай, а то арн Шандар шибко обидится, если тут его оставим. А машинку я сейчас на буксир определю. Не абы что, но на металлолом хоть продать, всё польза.

Хотелось очень сильно обидеться на «хлам» и «металлолом». Кар свой я выбирала долго и тщательно (да, каюсь, прежде всего запала на ярко-зелёный цвет, редкий и очень красивый), ухаживаю и слежу за ним. Да и как иначе? Друдах в нашем доме частый гость, и Хота... сколько ни тряс башкой, пытаюсь прогнать мысли о нём, но забыть о его любви к машинам ой как сложно. Именно благодаря ему я не хуже любого механика знаю, что и почему может стучать в двигателе, куда заливать масло или как сменить колесо.

Ну да и ладно, чего обижаться – мне ли не знать, что гномы человеческую технику не выносят на дух? Да и Хота, если б завидел мою «Эскаду», непременно разразился бы нотацией в лучших традициях нашего папы.

Не завидит. А даже если родители – да хоть сам Хаос, чтоб его к порядку! – решат, что нам с Хотой жизненно необходима трогательная встреча у камина, его мнение я всё равно вертела на известном органе.

– Разлом бы закрыть, – вздохнул Олли, покосившись на меня. – А то как бы чего не вышло...

– Дык это ж магов надо! – недовольно фыркнул гном, пригладив бороду. – Их у нас только по особым праздничкам выдают, поди дождись!

– Дождались уже, мастер, – машинально полезла в задний карман шортов и достала удостоверение. За два года официальной магической практики уже приучилась всюду таскать его с собой. – Я заклинатель завесы. Если вы согласитесь проехать чуть дальше по восточному тракту, мы с Оливером устраним проблему.

Вопреки моим опасениям, гном не заартачился. Напротив, согласился тут же, охотно загрузил нас в салон и повёз куда велено. Ну да оно и ясно: когда ещё сможешь прихвастнуть за кружкой медовухи, что тусовался с магами и видел их работу? Нас в Антеарре не так уж много, каждый наперечёт; а уж заклинатели завесы – на Севере нас зовут ткачами Изнанки – и вовсе рождаются едва ли не раз в сто лет.

Ну да, ну да, зря меня мама с папой ещё до рождения прозвали своей уникальной снежинкой. Как корабль назвали, так он и поплыл.

Разлом оказался уровня не 4А а вовсе даже 5С, многомер-

ный, трёхплоскостной, с искривлением второй степени. Для всех прочих людей и нелюдей – лёгкая рябь в воздухе; для меня – огромная прореха в пространстве, похожая на хищный оскал мифического чудовища. И в глотке этого чудовища мерцает... ничто. Вся материя на месте разлома бесследно испаряется. Я однажды видела двухсотлетний дуб, у которого в корнях открылось зияние: половины ствола будто не было, а крона висит целёхонькая. Как ожившие картины сюрреалистов. То ещё зрелище для некрепкого ума.

Но вот же дерьмище. Заплутавшие туристы в таких провалах исчезают только так, и попробуй их потом найди. Пришлось уточнить у нашего спутника – он представился Гракляком, – не пропал ли кто-нибудь в Хварне за последние несколько дней. Граклак заверил, что не было такого, а если и было, то он о том не знает.

Помявшись немного, разлом я закрыла – уровень опасности 5С не располагает к долгим раздумьям и нравственным терзаниям. Даже обошлась без помощи Олли, хоть и потратила вчистую весь свой немалый резерв. Немедля захотелось скинуть остатки сил в превращение и задрать какую-нибудь живность. Волчий голод? Ха, волки, подержите-ка моё пиво. Прямо сейчас я готова сожрать все те сорок килограммов мяса, что гипотетически способен вместить желудок тигра.

– Не бережёшь ты себя, чернявенькая! – едва я плюхнулась на сиденье и устало положила голову Олли на плечо, Граклак немедленно принялся ворчать. Гномы это дело любят

едва ли не пуще наживы. – Что отец-то твой сказал бы?

– Что каждый уважающий себя альфа должен служить и защищать, а не только раздавать указания.

Да, так и сказал бы. А потом вынес бы мне мозги своей гиперзаботой – мол, работать надо проще и меньше, людей много, а папина принцесса – штучный экземпляр.

О, Хаос, а я точно хочу возвращаться в Моэргрин?!

Нет, я обожаю своего отца, однако он бывает просто ужасно несносен! С мамой у нас всегда были чуть более прохладные отношения – она сама по себе очень сдержанная, скрытная, к тому же женщина-альфа, как и я. Прямой конкурент. А ещё я в детстве вечно обижалась на неё за излишнюю строгость. Но зато теперь у нас мир и согласие, а с папой мы подчас ссоримся так, что весь наш клан начинает искать пятый угол. И вины своей тут не вижу. Это он никак не желает понять, что я уже давно не ребёнок.

– И то верно, – покивал Граклак глубокомысленно. – У нас в шахтах тоже работёнка опасная, а кто-то её делать всё-таки должен. Но ты-то, пацан, чего не помог своей Джинни?

– От меня в таких делах толку немного, мастер Граклак, – ответил Олли, улыбнувшись чуть печально. И исподтишка кинул на меня озорной взгляд. – Видите ли, я некромант.

Бедный гном на радостях едва инфаркт не словил.

– Это что же... – сипло выдал он наконец. – А я тебя... вас... это самое... кралей столичной... хером по лбу... Во дурак-то, а? Ваш' мил'сть, не со зла я! Был несдержан!..

– Ну, краля не краля, а всё-таки столичная, – пожал плечами Олли. – Каюсь, грешен. Теперь вот надеюсь найти дом в вашем гостеприимном краю... Если примут, конечно.

Граклак тут же передумал помирать и вскоре вернул себе нормальный цвет лица, с жаром уверяя, что в Грейморе всей этой расистской пропаганды сроду не водилось, а Гектор Воскреситель, мол, мужик что надо был, и поделом от него выхватили все пресветлые мудозвоны.

О том, что Воскреситель в то жуткое время перебил половину предков Олли, мы оба дружно решили умолчать. Семейку Маккензи у нас по сей день не любят, да и предки сами были хороши. Ни к чему накалять обстановку – тем более что Граклак расслабился, снова разговорился и уже смотрит на Олли с явной симпатией. Вежливость, благодушие и уважительный тон «ваш' мил'сти» гному явно пришлись по вкусу.

А мне по вкусу то, что «дочку Шандара» на время оставили в покое. Неохота всю дорогу трепаться про моих родителей. Да ещё и на голодный желудок.

По счастью, голодать моему несчастному желудку пришлось недолго. Хварн хоть и деревня на краю Греймора, а в последнее время сильно разросся. Гномьему народу, рукастому и мастеровитому, даже пришлось перестраивать стену, чтобы спрятать за ней новые улицы. С тех пор как тетя Кэмерин окончательно дала понять, что в состав республики мы входим только на бумаге, сюда стекаются те, кому на юге

не нашлось места. Оборотни, вампиры, тёмные маги, хаоситы – Прядильщик и Маграты привечают всех.

Ну и кабаков, понятно, тоже стало больше.

Граклak привёз нас точно к дверям одного из них. Спросил, отдам ли я ему свой кар, «чтобы превратить колымагу во что-нибудь порядочное», и пообещал вернуть утром. Согласиться-то согласилась, но снова нервно хмыкнула – историю знакомства мамы и папы я знаю слишком хорошо. Даже огляделась, прежде чем устроиться в дальнем углу, потянула носом воздух – не пахнет ли медведем?..

Пахнет.

Но светловолосой кудрявой макушки приметить не удалось. И слава Хаосу! Вот ни разу не хотелось видеть этого лживого предателя!

Зато заметила рыжие патлы, а вкупе с ними и нагло ухмыляющуюся физиономию Лэнса гро Роггина. Да чтоб его, ну что за день-то сегодня, а? Из всей моей многочисленной косолапой родни я повстречала именно того самого Лэнса, который не давал мне прохода с моих пятнадцати. Правда, пыл ему пришлось поумерить, когда Хотa прознал да отдедал его хорошенько...

Но Хоты рядом больше нет. И не будет. Теперь придётся разбираться самой. Благо я киса не робкого десятка и вполне могу за себя постоять.

К его чести, Лэнс дал нам спокойно поесть и немного прийти в чувство, а уж затем подвалил к нашему столику.

Как это водится, с видом властелина всея республики.

– Реджи-ина, – протянул он моё имя, точно невесть какую пошлость, – не ожидал тебя здесь увидеть. Но безмерно рад! Едешь к нам в гости?

– И тебе тоже привет, Лэнс, – откликнулась я чуть желчно, отпив глинтвейна из пузатой глиняной кружки, больше похожей на супницу. – Я не еду в гости – Моэргрин для меня такой же дом, как и для тебя. Возвращаюсь. Буду работать со Скордо. Ну а ты что здесь потерял?

Лэнс повел широченными плечами и будто невзначай придвинулся ближе.

– Так ведь всем известно, что в гномьих кабаках лучшее пойло! Могу угостить. За встречу. А то этот твой девчачий коктейльчик... как-то несерьёзно для такой видной кошечки.

Боги, неужели его за столько лет не попустило? Наверное, и не попустит: раз не досталась Хоте, то ему в лапы упасть должна непременно. Грёбаные альфаши и их неудержимая потребность помериться членами.

– Спасибо, Лэнс, но я не пью.

Спорное, конечно, заявление для девицы, у которой в руках пол-литра горячего винишка. Но сделаем поправку на метаболизм обратной: для нас пять градусов что ноль-пять для обычных людей. А ничего крепче обычно не употребляю – разве только по праздникам и в очень умеренных количествах.

Уж кому, как не мне знать, к чему приводит перебор алкоголя в крови?..

Мой медвежий родич настаивать на бурной попойке не стал, вместо этого обратив взор на Олли – как если бы только его заметил, а не сверлил подозрительно-неприятным взглядом всё то время, что мы ужинали. Ну точь-в-точь как истеричные героини ситкомов при виде коварной сучки-конкурентки.

– Кто это тут с тобой, Реджина? Очередной женишок? – он ухмыльнулся, выразительно осмотрел моего недобро хмурящегося спутника и явно признал его пригодным. В пищу. – Мелковат.

– Ты просто не всё у него видел.

– Разумеется, это она про мой могучий интеллект и огромную харизму, – бесстрастно пояснил Олли, достал из кармана комм и поднялся из-за стола. – Джинни, я вернусь через пару минут.

– Скажи Сэре, что я вовсе ни капельки не скучаю по её трескотне!

– Ха, ну конечно.

Многозначительно посмотрев на меня – мол, если что, я неподалёку, – он скрылся в холле. Лэнс же задумчиво хмыкнул и противным голосом передразнил:

– Джи-инни! Не припомню, чтобы ты позволяла все эти кошачьи клички кому-то кроме родителей. А, и Хоте, куда уж без него, – тут он состроил кислую физиономию. – Забу-

дешь про него, так он напомним. Надо ж было таким доставучим говнюком уродиться!

Я невольно улыбнулась. Да уж, от кроткого ягнёночка в моём Хоте всегда были одни лишь кудряшки.

– Полагаю, у него всё в порядке?

– Да что с ним будет-то? Цветёт, с-сука, и пахнет, – буркнул Лэнс. Выглядел он при этом обманутым в лучших чувствах, точно ожидал, что я при одном упоминании предателя-бывшего начну заламывать руки, рыдать и бить не бесплатную, между прочим, посуду. Вот ещё не хватало. – Меняет баб каждый день да через день, а о тебе и словом ни разу не обмолвился.

Вот ни разу же не сомневалась... И почему же тогда от этих слов так больно, что нет сил даже сделать вдох? Ненормально это, Джинни. Нет, мать твою кису. Парень оказался муذاком, с кем не бывает? Пять лет прошло, давно уж пора простить и отпустить.

Но вот прямо сейчас с этим проблемы, да.

Благо чистокровные зазнайки из Магистерии научили меня не только плести магическую нить, но и держать лицо. Я – Реджина Маграт, мастер-заклинатель, ткачиха Изнанки и магиня Платинового резерва Антеарры, а не какая-то глупая школьница. Вот и нечего тут убиваться из-за блудливого комка шерсти.

– Иного ожидать и не приходилось, – улыбнулась как могла легкомысленно и принялась большими глотками пить

глинтвейн. От такой сомнительной компании охота поскорее отвязаться. – Ты впрямь хочешь говорить о нашем кузене, будь он неладен?

Лэнс хотел отнюдь не этого – вон как глазами засверкал. Ну серьёзно, не день, а триндец какой-то.

– И правда. Давай лучше поговорим о нас, – он многозначительно улыбнулся, придвинулся ещё ближе. Тяжёлая ручища вдруг легла по-хозяйски на моё голое бедро. – А можем не тратить время на разговоры и сразу подняться ко мне.

Нет, он что думал, я с радостным визгом катапультируюсь из трусиков и улечу в его комнатёнку, пробив потолок? Воистину, люди не меняются.

Грустная правда в том, что какая-то часть меня очень хотела согласиться. Чтобы выгнать, вытравить из себя всю эту боль, тоску и ощущение пустоты между рёбрами. Чтобы перестать чувствовать себя неисправным прибором, завешей пластинкой. Да и вообще... мне может не нравиться сам Лэнс, но внешность у него вполне привлекательная, а густой мускусный аромат самца-альфы пробуждает во мне, альфа-женщине, самые низменные инстинкты...

Боги, отсутствие регулярного секса толкает на страшные вещи. Перепихнуться с Лэнсом гро Роггином, это ж надо придумать! Нет уж, я не настолько отчаялась.

И не настолько хочу насолить Хоте гро Маграту. Плевать, что он там себе думает.

– Не в этой жизни, Лэнс, – наконец заявила я, отстранив

от себя чересчур прыткого кузена, и поднялась из-за стола. – Не знаю, что вам всем наболтал про меня Хота, но я не даю каждому встречному-поперечному. Извини, мне пора спать.

Лэнс так не думал. Миг – и я оказалась притиснута к столешнице, а Лэнс прижался вплотную, обвил мощные ручки вокруг моей талии; провёл носом вдоль шеи, жадно дыша. Совсем сдурел, что ли?!

– Сказал же – Хота о тебе и словом не обмолвился. Ни хорошим, ни плохим, – выдохнул он насмешливо и как-то уж очень понимающе. – Ай, да кому интересно это ничтожество, неспособное удержать ни член в штанах, ни девицу при себе? Я гораздо лучше! Ну же, Джинни, ты ведь знаешь, как сильно нравишься мне...

– Кстати о членах, – усмехнулась я, с трудом подавив гневный рык. Пусть Хота и подлый изменщик, но это не значит, что кому-то кроме меня позволено говорить о нём в таком тоне. – Хочешь фокус покажу? Вжух – и Лэнс-младший уже за два километра от тебя. Обратного только целители приколдуют, и то не факт.

Между прочим, в теории я правда могу такое провернуть. Пространственная магия восхитительна.

Ну а парни все как один не любят угроз своим драгоценным причиндалам: вот и этот болезненно поморщился. Но затем одарил меня очередной наглой ухмылочкой.

– Ну-ну, злючка, пригладь шёрстку. Ты ведь тоже хочешь, я ж чую...

Если я чего и хочу, то без лишнего шума отвязаться от озабоченного кретина. Но вот беда – меташокер остался в комнате, а вырубить здорового альфаца без подручных средств я просто не сумею. Вот блин. Надо было угробить детство в боксёрской секции, а не в балетной школе!

– Оставь её в покое, мишутка, – знакомый голос, раздавшийся за спиной Лэнса, принёс одновременно облегчение и беспокойство. – Не то будешь иметь дело со мной.

– О, я весь трепещу! – издевательски пропел мой придурочный родич, даже не потрудившись убрать лапы и оглянуться. – Шёл бы ты погулять, малыш...

– Шёл бы *ты* погулять.

И ведь Лэнс действительно пошёл. Дёрнулся, отпрянул от меня, точно получив по лицу наотмашь, и принялся медленно пятиться.

– Что ты, блин, такое? – тихо прошипел он. Ужас и ярость смешались на его лице, заставляя меня злорадно улыбнуться. Видит Хаос, мой Оливер – самый лучший друг на свете.

– Дай боги тебе никогда не узнать, – холодно проговорил он, сверкнув глазами не хуже любого оборотня. – Ведь до утра ты в таком случае не доживёшь. Клянусь Тьмой.

Это был вызов, который Лэнс определённо хотел принять. Хотел. Но побоялся. Буркнув что-то про клятых колдунов с их балаганными трюками, он напоследок одарил меня многообещающим взглядом – мол, мы с тобой не закончили, дорогуша, – но затем всё-таки избавил нас от своего общества.

– Спасибо, – пробормотала я, легонько стиснув плечо друга, – но не стоило так, Олли... Мало, что ли, про магов дурных историй гуляет? Случись с придурком что, на тебя первым и подумают.

– Может, даже и угадают. Неужели все альфы такие ублюдки? – Олли продолжал хмуро смотреть на дверной проём. – Кроме твоего отца, конечно. Он отличный мужик.

– Других таких, как мой папа, в природе не существует, – фыркнула я убеждённо. – И да, они почти все вот такие... Это одна из причин, по которым я не сильно рвалась обратно в Греймор.

– Ну, полагаю, поворачивать назад уже немного поздно, – он вздохнул и чуть неловко заправил мне за ухо прядь волос. – И вообще – поздно. Иди спать, Джинни, ты наверняка ужасно устала.

– А ты?

– А я весь день бездельничал. Немного прогуляюсь и приду.

Стремление друга к ночным прогулкам мне не внове: сама я далеко не жаворонок, но он та ещё полуночная сова. Прямо как моя мама. Каждый раз, когда Олли приезжал к нам на каникулы, они с ней непременно засиживались допоздна, а поутру ненавидели весь мир и особенно папу – тот нещадно изводил их дурацкими шуточками и жалобами. Мол, только придремлешь на каких-то десять часиков, а всякие молодые нахалы уже норовят увести любимую жену...

Однако же я успела вдоволь наполоскаться в ванной, чуток всплакнуть в подушку и даже уснуть, прежде чем возвращение друга разбудило меня.

– Скольк' вр-мя? – кое-как проямлила, приподнявшись ему навстречу. Однако меня тут же заботливо уложили обратно.

– Начало четвёртого. Прости, мне что-то совсем не спалось.

– Небось опять носился по темноте со своей любимой игрушкой?

– И сделал много отличных фотографий! – горячо заверили меня. – Ладно, я в душ и спать. Как насчёт подняться пораньше и убраться прочь от твоего прелестного родича?

– Сугубо положительно!

И, уже провалившись обратно в сладкую дрёму, краешком сознания подивилась: кажется, мой друг впервые по доброй воле согласился на раннюю побудку. Настолько впечатлился общением с альфа-мудаком?

А, неважно. Завтра спрошу.

Глава 3

Годами сбрасываемая соснами хвоя мягко пружинит под лапами. Словно идешь по огромному ковру, на котором чего только нет. Совсем молодая поросль, которой ещё предстоит найти путь наверх; грибы, выросшие после недавнего дождя; скрытые от глаз норы всякого мелкого лесного зверья. А позади осталась расчудесная полянка с клубникой, сладкой настолько, что варить из неё варенье – сущее кошунство. Да и не из чего уже – на полянке я задержался на добрых полчаса и до сих пор чую под носом сладкий ягодный запах.

Порой кажется, я знаю в этих лесах каждую иголку, каждый камень и ветку. Или впрямь знаю? Родился-то тут. Не в лесу, конечно, а в Таненгреве, что остался ниже. Но на свою первую охоту пошёл, когда мне исполнилось пять. Мама и Дар тогда задрали лося, крупного и с такими развесистыми рогами, что порошка из них шаманке племени хватило на целый год... Помню, что плакал и очень жалел несчастного сохатого. Ровно до тех пор, пока жилистое мясо не попало в рот. Вместе с тёплой кровью, согревшей внутренности.

А потом я научился охотиться сам и понял, в чём прелесть быть хищником. Нет ничего лучше погони. Запах страха, адреналин, шум ветра в ушах; болящие от долго бега лапы, если жертва вдруг оказалась чересчур проворной.

Кабан всё ещё дёргался, хотя глотку я ему перегрыз с пер-

вого же удара. Не так чтобы удачно – внушительный клык пробил плечо. Пройдёт через пару часов, однако приятного мало. Кабану, впрочем, повезло ещё меньше: быть ему обедом на моём столе. Попрошу бабушку запечь с клюквой и мёдом. Можно было бы сожрать его прямо тут, пока кровь ещё тёплая, но человечья половина слегка против – ей тоже охота полакомиться свежаком. Однако люди-то сырое мясо едят только в исключительных случаях. В дорогущих ресторанах с отвратительно пафосными поварами, который любую бурду непременно называет высокой кухней.

Бывал я в таких, не один раз и даже не два. Особо не проникся. Мы, оборотни, народ консервативный и всяким тартарам размером с воробьиное гнездо предпочитаем здоровенную оленью (ну, или вот кабанью) ногу, едва взятую углями.

В ногу я и вцепился, в миллионный раз пожалев, что не уродился тигром, как Изара и... прочая моя кошачья родня. У них и пасть побольше, и клыки внушительнее; всё удобнее волоочь законную добычу через лес. Человеком ещё лучше, но царапать пятки о хвою – сомнительное удовольствие.

Да и не стоит светить на всю деревню голым задом. Не то чтобы мне не всё равно... однако же не по статусу вожаку клана. А заместителю окружного прокурора так тем более.

Нет, ну как всё-таки неудобно открывать двери с мёртвой тушей в зубах! Но открыл. И кабана затащил, прежде чем перекинуться.

– Эй, на хозяйстве, обед пришёл!

– Чё, прям сам? – послышался ворчливый возглас, а следом и топот коротких ног. Пару секунд спустя из-за двери, ведущей в кухню, выглянул Друадах.

Я видел его только утром, а до того – две недели назад. И, кажется, седых волос в его бороде стало ещё больше. Энергии у старого гнома, впрочем, ничуть не убавилось, невзирая на возраст. Как и у моей бабули, которая вот уже добрый десяток лет может ходить только с клюкой, однако же не стала от этого менее грозной.

Друадах переехал в Таненгрев, едва схоронив жену. Скрепя сердце передал разросшуюся шахту детям и внукам, собрался открыть тут автомастерскую, нанять кого из местных в работники. Да так и остался работать сам: мол, вы, медведи, не только в шкуре косолапые, что с вас взять, расходы одни. И прижился в нашем доме – чтобы не покупать свой и не тратиться на аренду. Враньё сплошное: все в деревне знают, бабуля для Друадаха – всё равно что богиня. И выпить с ней всегда можно, да.

– Я бы предпочёл, чтобы сам, – хмыкнул я. – Увы, у кабана было иное мнение по этому вопросу.

– «Иное мнение по этому вопросу», – передразнил гном. – Уй, пацан, бесишь порой до ржавых гвоздей перед зенками! Так бы и дал по башке!

– Да ты и давал, пока доставал.

– Дык и сейчас могу на табуретку встать!

Он наклонился над тушей, ощупал, довольно крякнул в бороду – кабан и впрямь здоровенный, жирный, на всех хватит.

– Хорош. Молодец, пацан! Щас как разделаем, как наварим холодца!.. А ты давай-давай, чеши отседова, бесстыдник!

– Ты не забыл, что это *мой* дом? – я вопросительно уставился на Друадаха, сложив руки на груди. – И ничего не бесстыдник, грыз и плакал.

– Ага, и причиндалы тоже твои перед глазами болтаются! Никогда не привыкну к этой вашей меховой херне.

– Ты старше меня в три раза, чего ты там не видел?

Гном поднял голову и глянул сурово, разве что не запыхтел в бороду.

– Опять лазил в мои документы? Как это у вас, копов, называется? Пользовался служебным положением, во! Я, между прочим, честный гражданин Греймора, не имеешь права!

Я закатил глаза и усмехнулся.

– Мне не нужно никуда лазить, вредный старый гном. И почему «опять»? Я запомнил с первого раза. Да и до этого знал.

– Знал он! Вечно вы, Маграты, всё знаете! Что ты, что Дар. Весь в папашу пошёл, воистину так!

Нагулянное веселье как рукой сняло.

В папашу, да. Жаль не в того.

Как бы ни хотелось мне походить на Дара, иметь хоть

каплю его уживчивости, добродушия и понимания, а всё же ярости и злости во мне куда больше. Бабушка частенько говорит, что таким и должен быть настоящий альфа – жестоким, бескомпромиссным и нагоняющим страха на весь клан. Глянь, мол, на Изару – девчонка, а все её боятся и слова поперёк сказать не смеют.

Может и так, да только не в одном клане дело.

Пять лет прошло, а я помню тот день так хорошо, будто он случился вчера. День, когда я, Хота гро Маграт, чуть не убил человека. Что самое ужасное, вернись я назад во времени – поступил бы точно так же.

Наносил бы удары один за одним, ломал бы кости; слушал бы, как вырываются хриплые вопли из разодранного горла. Он был слабее, жалкий человечиска, у которого из силы – одни только богатенькие столичные родители. Ни сострадания, ни сочувствия к тому ублюдку у меня так и не возникло, несмотря на психотерапевта, курсы управления гневом и прочие кружки анонимных мудаков. Я хотел его убить за то, что он сделал. Со мной... и с ней.

В ней всё дело, всегда было и всегда будет. В моей принцессе, в моей Джинни, которую я любил так, что впору было задуматься об одержимости. И сброситься с ближайшей скалы до того, как крыша съедет окончательно.

Потому как её тогда я тоже не убил только чудом. Замахнулся, собирался ударить, чтобы не сделать что похуже. Остановился в последний момент... И об этом жалеть тоже

не слишком получается.

Пять лет прошло. Но как бы я ни ненавидел себя за всё случившееся, а простить Реджину так и не смог. Продолжал злиться, оставлял свою ярость на работе, выплёскивал её на преступников, которых сажал на такие сроки и в такие условия, что не снились самым жестоким палачам Инквизиции. И был доволен собой в каждый из этих моментов.

Да вот беда: легче от этого ничуть не стало.

Хотелось огрызнуться на Друадаха, но я сдержался – он хоть и в курсе всей нашей семейной драмы, а не виноват в ней ни разу. Поэтому я только фыркнул и пошёл одеваться. Не разгуливать же по дому без штанов?..

А вот без рубашки можно было и обойтись. Нет, серьёзно, почему в местном магазине все тряпки непременно клетчатые и выглядят так, что даже суслики в полях непременно бы оборжали? Глянул на себя в зеркало – волосы растрёпаны и лежат дурацкими кудрями, из-за чего я похож скорее на безмозглого школьника, чем на ночной кошмар грейморской преступности; джинсы видали деньки и получше, а рубашка... Ну да про это шедевр дизайнерской мысли и говорить нечего. А ещё надо поваляться под своим «Корингтоном» – движок в последнее время нет-нет да постукивает. Опять провоняю маслом и бензином. Хорошо хоть, отсюда сразу домой, никто не увидит моего позора.

На выходе из комнаты столкнулся с бабушкой – в последнее время она частенько спит днём. И её трудно в этом ви-

нить: как-никак, сотня ей стукнула ещё дюжину лет назад. Я в свои тридцать-то могу подрыхнуть шестнадцать часов кряду! Чаще всего, правда, это случается лишь в моих мечтах – обычно нет времени на такие излишества. Да, работу в правоохранительных органах придумали самые злые боги во вселенной.

– О, внучок явился! Давай руку, помоги бабушке, лось гулящий!

Руку я, разумеется, подал, а вот на лося обиделся. Я хищник, а не еда!

– Почему это я гулящий? Ничего не гулящий, кабана принёс – а то с Друадахом сопьётесь и с голоду помрете!

– Это ты сопьёшься, а мы с коротышкой ещё на твоей могиле спляшем, – едко отозвалась бабушка. И впрямь спляшет – кто кого ведёт по лестнице, так сразу и не разберёшь. – А гулящий, потому что всё утро шлялся невесть где. Ты же ненавидишь деревню, а тут вдруг такой приличный медведь – потянуло в лес, на природу!

– Неправда, – возмутился я. – Я ненавижу отсутствие связи и доступа к инфосети. Остальное меня вполне устраивает.

Дердра на это фыркнула, замахнулась было палкой, чтобы ткнуть мне в ногу, но передумала. Прищурилась только, да так, что сразу понятно – задумала гадость.

– А-а, я поняла, – многозначительно протянула она. – Ты просто не хочешь идти со мной на обед к твоему беспутному дядюшке. Так вот что я тебе скажу – ты идёшь. И нет, твоё

мнение никого не интересует.

– Ага, спотыкаюсь и бегу вниз по лестнице! Нет, ба. Никаких обедов.

Никаких. Совсем и никогда. Потому как мне ничего не хочется сильнее, чем увидеть Джинни, которая уже наверняка там. Ничего. Ну разве только завести свой «Корингтон», посадить на пассажирское сиденье Эмму – ведь лучшей секретарши я не найду в жизни, – и укатить на юг. Туда, где мне было плохо, одиноко и очень страшно каждый день моей жизни. Туда, где я был не альфой с кланом за спиной, а всего лишь помощником прокурора. Туда, где меня дважды чуть не убили.

Потому что даже сраный Сармад с его террористами, перестрелками и удушающей жарой пугает меньше, чем встреча с Джинни. Я не знаю, что сказать. Как вообще с ней говорить? О чём? О том, что я полный кретин, раз до сих пор люблю её?

Люблю. Наверное. Или всё-таки хочу придушить за то, что она тогда натворила?.. Не знаю. За пять лет так и не разобрался. Тоску выжег раскалёнными песками Сармада, одержимую влюблённость похоронил за пыльными папками уголовных дел. Да только не помогло. Джинни по-прежнему снится мне непозволительно часто, вынимает душу своим кошачьим взглядом, опалает шею тяжёлым дыханием...

К Хаосу всё это. Любил и любил; что было, то прошло, отболело и осыпалось пеплом. И видеться нам ни к чему.

Но, к сожалению, наша бабуля так не думает.

– Ах прости, я была недостаточно внятной – засунь свое мнение в свою тощую задницу!

– Засуну, – отозвался я в тон ей. – И поеду домой.

А потом, тихо и невесть зачем, добавил:

– Джинни приехала. Нечего мне там делать.

– А, ну да, лучше ведь бегать от своей наречённой, что обещана тебе аж самим Прядильщиком? – Дердра сделал вид, что задумалась. И всё же врезала мне по ноге, заставив ойкнуть. – И куда, спрашивается, бежать? А, ну да, по шлюхам. А то они безмерно страдают без твоего внимания. Вну-чок, мы вроде это уже проходили!

Сойдя с последней ступени, отпустил бабушку и растёр голень. Больно же! Да даже грёбаный кабан был ко мне добрее!

– Не по шлюхам, – проворчал я. – Их теперь зовут модным словом «эскортницы». Бабла дерут в два раза больше, чем раньше, носят искусственные сиськи, делают ровно то, за что им заплатили, и не задают лишних вопросов. Иногда просят в отпуск на курорты. Я бы, может, и взял, но Таненгрев их почему-то не устраивает.

– О, я знаю, кого устроит, – ехидно протянула бабушка.

– Я тоже знаю. Спасибо, нет, оставьте эту назойливую сучку себе.

Серьёзно, я уже готов на всё, чтобы избавиться от Уны гро Гален. Даже выделить приданое тому несчастному, кто

согласится взять её в жёны. Да, признаю, она красотка – я не любитель рыжих, однако нет-нет да и задерживался взглядом на неприличном декольте и аппетитной заднице. Но не более того. Уж слишком она доступная, невыносимо навязчивая и откровенно мечтающая залезть мне в штаны. И стерва каких поискать.

Нет уж, лучше эскортницы. Всё мороки меньше.

– Мне такое добро тоже без надобности. А ты, – мне в грудь уткнулся сухощавый палец, – если вдруг долбанёшься и решишь жениться на этой дуре – клянусь, лишу тебя фамилии, наследства и яиц!

– Мне дорого и то, и другое, и третье, – клятвенно заверил я. – А Уна и даром не нужна, и с доплатой тоже.

– Слава Хаосу, ты ещё не до конца потерян для общества.

Для чего я точно не потерян, так это для работы. Выходные и кабанячий шашлык? Ха, забудь, Маграт. Не успел я спуститься в столовую, как наверху настойчиво заверещал комм. Странное дело: в детстве я с ним чуть ли не спал, а сейчас забыл на целых полдня. Деревня, что ли, так расслабляет?..

Звонит Эмма – только у этой женщины хватило бы смелости потревожить меня в мой законный (и первый за последние две недели) выходной.

– Маграт, у нас проблемы. Точнее, у тебя. Наверное, – вместо приветствия заявила она.

– Ну?

– Я тут узнала у Доры из Инквизиции, что к ним поступил труп. Высосали досуха, зрелище даже на фотках мерзенькое... Как я поняла, убийца – маг. Возможно, вампир, но главный инквизитор уже связался с очередным Тамритом и сильно сомневается.

О, моя Эмма даже успела рассмотреть фото? И знает о делах Виттара? Не зря, не зря я поднял ей зарплату в прошлом месяце.

– Слава Хаосу, от инквизиторов ещё есть польза, – хмыкнул я. – А то я всё думал и гадал, за что они получают такую хренову тучу денег. Видела, какие у них оклады?

– Видела, – вздохнула Эмма. – Когда ты начнёшь мне платить столько?

– Когда Дакей свалит наконец на пенсию, а я сяду в его кресло. Что явно не случится скоро... Ну да не будем о плохом. Инквизиторы молодцы, но при чём тут я? Уже нашли преступника и нужно посадить его пожизненно, а он сильно против?

– Голосую за смертную казнь! Но нет, просто подумала, что ты захочешь знать... Труп из твоих будет.

Я насторожился, крепче прижал комм к уху. Даже как-то не верится в услышанное, ведь последние двадцать лет никто не смел покушаться на моих медведей.

– Кто?

– Лэнс гро Роггин. Подробности нужны?

Издаётся она, что ли?

– Рассказывай.

– «Не пое-еду», – глумливо передразнила бабушка, когда мы свернули к реке. – Ты же для меня кабана ловил, а сам спёр аж половину! У меня были на него планы!

Ага, у меня тоже. Сожрать, а вовсе не заворачивать в пергамент и перевязывать суровой нитью, чтобы не случилось чего по дороге. И нет, вовсе не в Джинни дело! Просто... неприлично к родне и с пустыми руками. Вот так. Медведь я или где?

– Уж мне-то не рассказывай!

– А я ничего и не говорил.

– Ой, и что с того? Я слишком старая, чтобы не знать, о чём ты думаешь. «Нет-нет-нет, не хочу видеть свою принцессу, она мне неинтересна, и вовсе не ради неё я так рвался наловить её любимого лосося!» Тьфу, аж смотреть противно!

– Так не смотри, – буркнул я. – И не отвлекай – а то вмажемся в дерево, будешь знать. И мы едем к Дару не из-за его избалованной дочки. У нас сородича убили, если ты вдруг не помнишь!

– Лэнса, что ли? Ой, убили и убили, как будто тебе его жалко. Мне вот ни капельки.

Ну, мне, допустим, тоже.

Когда-то давно мы с Лэнсом были приятелями. Весьма хорошими, пусть шума и проблем от него всегда было больше,

чем пользы. Вместе пили за школой дешёвое винишко, вместе клеили таких же дешёвых девиц, вместе уехали в столицу... И рассорились в хлам лет шесть назад, когда этот придурок полез к моей Джинни. Посмел её целовать и лапать, когда не должен был даже дышать в её сторону! Подрались мы тогда на славу и с тех пор друзьями больше не были. О чем я, надо признать, вовсе не жалею.

– Ну, польза от него всё же есть, – заметила бабушка, – причём от мертвого больше, чем от живого. Мне как раз веревку лень было искать.

Так, то ли у моей бабушки в её крайне почтенные сто двенадцать всё же начался маразм, то ли я что-то упустил в этом параде абсурда.

– Верёвка-то тебе зачем?

– Как зачем? Друадах вмазал бы тебе по кудрявой башке, благо есть за что; связали бы да вручили подарочком Реджине. Зуб даю, ей бы понравилось.

На что я могу поставить все свои зубы, лапы и кар – Реджина предпочла бы держаться от меня подальше. Собственно, пять лет и держалась, и я тоже к ней не лез. Больно? Да. Тяжело? До дрожи. Но так лучше для нас обоих.

Дом Дара и Изары показался из-за деревьев внезапно, как по волшебству возник посреди леса – добротный и заметно разросшийся, благодаря троим детям и неуёмной любви дядюшки к обустройству берлоги. Не люблю это признавать, но он медведь гораздо больший, чем я. У меня и страсти к слад-

кому куда меньше, и любви к городскому комфорту больше.

– О, глянь-ка, пастораль, – умилилась бабушка, – все внучки в сборе!

Глянул... Всего-то глянул! А ощущение, будто нарвался на драку и со всей дури получил под дых.

Не знаю, что я ожидал увидеть. Прежнюю девочку-котёнка, трогательную, неловкую и милую? Или же взрослую женщину, незнакомую и совсем чужую? Одно из двух, но никак не всё сразу.

Она всё ещё так красива, что смотреть больно. Прежняя, но чужая. Стройная, высокая, с бесконечно длинными ногами и идеальной балетной осанкой, над которой я в прошлом так часто подтрунивал – мол, если ты немножко ссутулишься, никому не сболтну, а уж небо на землю и подавно не рухнет... И я почти уверен, что эти джинсовые шорты и куцую майку с нелепым принтом Реджина напялила мне на зло: чтобы я мог думать лишь о том, как содрать с неё эти тряпки. И бельё, наверняка ажурное, восхитительно непотребное. Прежде, когда мы ещё были близки, я всеми силами старался не лезть туда, куда запрещает уголовный кодекс... но о любви моей Джинни к кружевам и шёлку знал как никто другой.

Кое-кто узнал лучше. Вероломно отобрал то, что предназначалось мне одному, – и я сам был тому причиной. Сам её предал, сам толкнул в объятия того мерзкого мажонка...

А она и побежала вприпрыжку. Отомстила. Ранила так,

что до сих пор болит. Без сожаления разрушила то, что я отчаянно пытался спасти.

Вот об этом, Хота гро Маграт, стоит напоминать себе почаще.

– Хота, – угрожающе зашипела бабушка, заметив, как я вцепился в руль. – Давай без глупостей.

– Никаких глупостей, ба, – бросил я, прежде чем вылезти из кара.

А, ну ещё свёрток прихватил, да.

Напряжение повисло в воздухе, стоило сделать пару шагов навстречу. Я чувствовал его кожей, будто с гор вдруг спустился один из тех ветров, что зимой приносят в Таненгрев вьюгу и морозы... Я слышал, как бьётся сердце Джинни, даже отсюда, в десятке метров от неё. Слышал её дыхание, неровное, волнуемое и волнительное. И сам наверняка не лучше – так я себя чувствовал разве что после многокилометровой пробежки по лесу, когда пульс зашкаливает; когда хочется только напиться воды из ручья, рухнуть в траву или сугроб и валяться так, пока не отпустит...

...не отпустило.

Нет, Реджина ничуть не изменилась. Всё такая же тоненькая, изящная, чуть смуглая и раскосая, с пышной гривой чёрных волос, с пухлым капризным ртом и яркими жёлтыми глазами, каких нет больше ни у кого на Севере. Просто та девчонка, что я знал с самого её рождения, стала взрослой. Нет в ней больше ни капли подростковой нескладности

и неуклюжести – лишь будоражащая кровь хищная грация крупной кошки. С лица сошла мягкая детская округлость, оставив вместо себя жестокую, сильную, опасную красоту, присущую женщинам-альфам.

За эту альфу передерутся все самые сильные оборотни Греймора. Они будут полными кретинами, если не станут драться.

И будут трупами, если станут. Потому что сильнее меня на Севере никого нет.

– Хота приехал! – заорали близнецы, завидев меня. И на ходу же перешли к делу:

– Эй, ты, где мой велосипед? Ну ты ведь обещал!..

– И мои деньги где? Фергис выиграл, ты должен мне двадцатку!..

Бернар и Инсар, светловолосые поганцы, одинаковые с лица и по характеру, но разные в своих звериных ипостасях, метнулись ко мне, споро обогнув замершую на месте сестру. По очереди врезались вихрастыми головами мне в живот, по очереди же получили по подзатыльнику – для профилактики, а ещё за то, что умудрились пнуть друг друга по пути ко мне. Через пяток лет уже придётся подыскивать им территорию. Делиться я не собираюсь, аж четыре мужика-альфы на одно племя – явный перебор.

И двух-то всегда было многовато.

– Отец дома? – поинтересовался я у близнецов.

– А куда он денется?..

– Срётся с мамой...

– Она его воспитывает, а он зачем-то рыпается.

Надо бы одёрнуть за такие выражения, но мне лень. У них есть отец, вот пусть и займётся делом. Не всё ж ему вокруг Реджины плясать.

– По поводу?

Хотя и так знаю, в чём дело. Плохой я непременно снова возжелает драгоценную дядюшкину дочурку, попортит и обидит!

Да что там – не так посмотрит в её сторону, посмеет дыхнуть или сделать лишний шаг.

Возжелает... Я и сейчас её желаю, и одного взгляда достаточно, чтобы вспомнить, как сильно я её любил. Как моя Джинни смотрела на меня тогда, совсем юная, чудовищно трогательная и самая красивая в мире девочка, к которой я боялся прикоснуться. Боялся обидеть, сделать что-нибудь не то.

Сделал. И обидел так, как не смог бы никто. Изменил, не раз, не два и даже не десяток; трахал едва знакомых девиц, силясь держать руки подальше от девочки-подростка. Я не должен был её хотеть, не имел на то права – она ведь младше меня почти на девять лет! Это сейчас, когда мы взрослые, такая разница особо ничего не значит. Но когда тебе двадцать два, а все твои мысли только о четырнадцатилетке, немудрено пуститься во все тяжкие.

До сих пор, кстати, пытаюсь вспомнить – кто-нибудь то-

гда пробовал вправить мне мозги? Мама точно, но она всегда любила меня больше, чем стоило бы, и прощала слишком многое. И Изара, да. Не знаю, что делал бы без неё, удивительно мудрой и терпеливой... Уж явно не стал бы прокурором. Скорее, спился бы и кончил как Лэнс гро Роггин – стрёмным трупом возле гномьего кабака.

Нервно хмыкнул – что бы там ни выдумывал дядюшка, сделать Реджине ещё больше я никак не сумею.

Да и с попортить, увы, уже не сложится. Это сделали без меня. Вероломно отобрали то, что принадлежало мне... Нет. Она сама отдала. Из мести, из ненависти.

Я не имею права винить Джинни. Но и смотреть на неё как прежде тоже вряд ли когда-либо смогу.

– Регинхильд привезла мальчика, – громким шёпотом поделился Инсар.

– И папа решает, прикопать его в нашем лесочке...

– ...или отвезти в Таненгрев.

Мальчика?..

Что ж, желаю ему удачно пережить Даровы загоны по поводу невинности его дочурки. Утерянной пять лет назад, чему я имел честь быть свидетелем. И нет, это вовсе не сердце жжёт в груди от одной мысли о ком-то рядом с Джинни. Просто кабан был жутко проворным, и плечо всё ещё болит. Да.

– Ясно.

Кое-как выпутавшись из паутины руки и ног близнецов, подошёл-таки к их сестре – та сложила руки на груди и всё

это время молча поглядывала на нас.

– Врите больше, поганцы, – фыркнула она наконец. И голос её был ровно таким же, каким я его запомнил: тягучий и сладкий, точно липовый мёд. – Папа был бы рад усыновить Олли, а вас сослать в военный интернат; жаль, мама ему не позволяет.

– Враки! Он нас любит!

– И ты тоже!

Реджина рассмеялась, укоризненно покачала головой, а я вмиг позабыл о своих кровожадных мыслях – откуда, блин, взялся этот Олли? – и только и мог, что глупо пялиться на неё.

Боги, Хота, ты реально жалок. И по-прежнему готов сделать что угодно, стоит ей вот так улыбнуться.

– Милая рубашечка, *братец*, – Реджина склонила голову к плечу, прищурилась с поистине кошачьим ехидством. – Давно мы с тобой не виделись, да?

– Давненько, – только и смог выдавить я.

Хаос, неужели она всегда была такой... такой? Или это пять лет разлуки сделали невыносимо очаровательным буквально всё в ней? Даже мерзкий столичный выговор, которого раньше не было. Вот так и знал, что холерные южане вконец испортят мою принцессу. Раньше она бы вряд ли вырядилась в шмотки, которые толком не прикрывают тела; какая северянка вообще станет разгуливать с голым животом? А это ещё что за хрень? Пирсинг?..

Отлично, Хота. Просто зашибись. Реактивный разгон от здорового тридцатилетнего мужика до престарелого ханжи – да так резво, что ни одному турбокару не снилось. Что дальше, запакуешь свою *кузину* в скафандр?..

Но нет. Дальше она обняла меня, и про скафандр было забыто напрочь. Как и про всё вокруг. Мир, проблемы, кучка надоедливых родственников, глазающих на нашу встречу с жадным любопытством – всё это перестало быть хоть сколько-нибудь важным. Остались лишь я и она, и такой приятный жар чужого тела, сильного и гибкого; и знакомый сладко-пряный аромат, от которого мой зверь рвётся на волю, рот наполняется слюной, клыки упираются в нижнюю губу.

Зверю плевать на мою подлость, на её дурость, на наш омерзительный разрыв. Он чует свою самку и не понимает, почему она до сих пор не отмечена.

Это было форменное издевательство, но... кончилось оно слишком быстро. Стоило только попытаться обнять в ответ, машинально проследить ладонью полосу обнаженной кожи на пояснице, – Реджина вмиг напряглась, вся натянулась, точно струна; тронь – и лопнет с натужным, жалобным звоном. И шустро выпорхнула у меня из рук, только я её и видел.

Далеко, впрочем, не сбежала. Поймал её за руку, стараясь не думать о том, почему ладонь, ощутившая гладкость нежной девичьей кожи, до сих пор горит. И впихнул сверток, пожалуй, куда поспешнее, чем стоило бы.

– На вот. Утром забил. Хотел рыбы наловить, но бабушка слишком мечтала увидеть любимую внученьку.

Последние слова сами по себе вырвались с особым ехидством. Как ни крути, ревности во мне ничуть не меньше, чем ярости, а Джинни всегда была любимицей в нашей тигрино-медвежьей семье.

Не то чтобы я возражал – ну как вообще, скажите на милость, можно её не любить?

– И это всё, что ты хочешь мне сказать? – вдруг прищурилась она. Подобие очарования между нами рассеялось вмиг.

– Всё, – отозвался я с деланным безразличием. – Я пришёл к Дару, а не на поклон к твоему высочеству.

Джинни мой тон не понравился. Всего на миг, но она сжала кулаки, яростно сверкнула своими кошачьими глазами, зло поджала губы. Интересно, чего она ждала? Извинений? Один раз я уже пытался извиниться. Да что там, готов был унизиться как угодно, валяться у неё в ногах столько, сколько потребуется. Вместо этого увидел, как моя девочка тискается с тем мерзким человечешкой. Услышал, как он шепчет ей всё те пошлости, которые я и думать-то лишний раз боялся. Учужал на ней его запах, лучше всяких слов сообщивший обо всём, что между ними было...

Жжение в груди стало сильнее. На этот раз от ярости, без которой вспоминать тот день не выходит.

– Милые шортики, надевай почаще, – бросил я, прежде чем направиться к дому.

Дара я нашёл по запаху – тяжёлому, животному, перемешанному с запахами леса, мёда и свежих ягод. Сильный зверь. Медведь. Взрослый, опасный соперник. Другой альфа, который когда-то был мне отцом, а сейчас – тот, с кем я вынужден делить свою территорию. Даже вот эту кухню инстинктивно хочется поделить на две части, себе оттяпав ту, что побольше, и дальше границы соперника не пускать.

А ещё выгнать отсюда тщедушного рыжеватого пацанёнка с малахольными глазищами в пол-лица и руками типичного неженки. Я тоже на работе не брёвна тягаю, однако эту кильку в томате перешибу с одного удара. И вот на это запала моя Джинни?..

– Исчез отсюда, – бросил я вместо приветствия. – Папочка позже поучит с тобой уроки.

– Грубить вовсе не обязательно.

Тон сопляка, прохладный, но безукоризненно вежливый, меня несколько обескуражил. Я, может, и имею вполне заслуженно репутацию скотины, но наезжать на людей без повода как-то не в моих привычках.

Ну да повод имеется. Прехорошенький такой повод с блудливой полосатой задницей.

– Ты, конечно же, Хота, – продолжил пацан, поднявшись и шагнув мне навстречу. – Я Оливер, друг Джинни. Много о тебе слышал. Не стану врать, что мне очень приятно.

Вблизи он оказался побольше и повыше, но всё равно смех и слёзы. И целая прорва ярости – ведь он весь, *весь* про-

пах Реджиной. Как если бы эти двое не отлипали друг от друга сутки напролёт. Да и понимание того, что этот столичный хлыщ всё про нас с ней знает, любви к нему не добавило. Скорее наоборот.

На протянутую руку я посмотрел, лениво прикидывая, сколько секунд бы у меня ушло, чтобы её сломать. Две, три? Так уж и быть, дам пять, исключительно из уважения к Джинни – к совсем уж слабакам она слабости никогда не питала.

– Я сказал, исчезни, – рыкнул, уже едва сдерживаясь. Но под суровым взглядом дядюшки, так уж и быть, добавил ничуть не дружелюбно: – Пож-жалуйста.

Пацан холодно улыбнулся, глядя при этом так, точно ему не терпится узреть, какого цвета мои кишки. Вдоль спины словно кто-то от души проехался наждаком, а сердце вдруг заметалось в груди, как птичка в клетке. Серьёзно, он настолько меня ненавидит?..

Не ненавидит. Демонстрирует силу. Бросает мне – *мне!* – вызов. Потому что может, потому что прямо сейчас от милого мальчика в нём нет ничего. Сильный маг с жутким даром, от которого хочется бежать подальше. А ещё лучше – вцепиться в бледное горло и навсегда уничтожить угрозу.

– Грубить не обязательно, – повторил Оливер. – Драться я не умею, но кто сказал, что до драки вообще дойдёт?.. Что ж, Хотя, неприятно было познакомиться.

Только когда его шаги почти стихли, меня попустило. Буд-

то со всего тела подняли тяжеленный камень. Тут же захотелось это самое знакомство продолжить и скоротечно завершить... но я скорее сожру свой диплом юриста, чем побегу за никчёмным человечком, посмевающим бросить мне вызов.

– Дар, ты серьёзно? – поинтересовался я холодно. – Когда ты усыновил этого грёбаного Олли и почему меня не пригласили на свадьбу моей любимой кузины?

Дар выразительно вздохнул и, мимоходом покосившись в окно, хмуρο уставился на меня.

– Сынок, давай без этого твоего дерьма, а? Олли – однокурсник Джинни, давний друг и славный парень. И похититель жизни, а это самый паршивый подвид некромантов. Не цепляйся к нему.

О, я бы обсказал в красках, под каким соусом собираюсь сожрать этого славного парня с его дружбой. Да так и замер, вдруг осознав, что жаждущий кровавой расправы зверь во мне уступает следаку и окружному прокурору. С дипломом, да.

– Что ты сказал? – переспросил осторожно. – Вот *это* – похититель жизни?

– Уже жалеешь, что нахамил Олли? – Дар усмехнулся, глянул эдак укоризненно, уселся на стул напротив. – У меня дома, попрошу заметить.

Он издевается? Или моего старика начинает одолевать маразм на фоне чрезмерной любви к дочурке?

– Потом территорию пометишь, – припечатал я. Достал

комм из кармана, выложил его на стол и открыл папку с фотографиями. – Там Лэнса сожрали.

– Что?.. Я его не ел, только собирался! Честное слово, сынок, не моя работа!

Я подозрительно прищурился. В каком смысле «собирался»? Собирался влезть в разборки с оборотнем из родственного клана? Или что?.. Впрочем, наплевать. Что бы там ни воображал о себе мой дядюшка, а сделать с Лэнсом то, что сделал убийца, никак не сумел бы.

– Да это и так всем понятно, – ворчливо заметил я, кивнув на комм. – Ты точно всё ещё лучший ищейка в Грейморе или нам с Арти стоит подыскивать новую кандидатуру? Хотя и искать не надо – у Эммы ушло пять минут, чтобы достать это.

– Мне кажется или я мало порол тебя в детстве?

– Вообще не порол.

Да и руку-то поднял один-единственный раз в жизни... Но об этом лучше не вспоминать; настроение и так уже на уровне «нажраться и забыть».

Не забудешь, Хота. Никогда не забудешь. Нет в мире столько гномьей сивухи, чтоб выполоскать из памяти всю ту херню, которую ты творил.

– Какая прелесть, – пробормотал Дар, брезгливо изучая фото. Трудновато, конечно, опознать в ссохшейся мумии самого противного из моих кузенов – разве только по длинным рожим патлам, каким и иная девчонка позавидует. – Ну

да, такое мало кто способен сотворить. Поганая смерть, даже для такого мудака... Мой драгоценный кузен Боргур будет в восторге и непременно придумает, как обвинить нас в кончине своего любимого племянничка. И знаешь, что самое паршивое? Похоже, Реджина и Оливер были последними, с кем он говорил.

– Реджина? – переспросил я недоверчиво. – Он виделся с ней?

– Он не виделся, а пытался завалить её прямо посреди кабака; и я бы даже не узнал об этом, если бы не Олли, – Дар яростно сверкнул глазами, явно жалея, что первым не добрался до полудурка. – Имеем охренительную историю: Лэнс при свидетелях домогается девушки, ссорится с ней и её дружкой; поутру они шустренько укатили прочь, а от Лэнса осталась одна кожара. Вопрос: на кого подумают первым делом?

– На меня, – едко сообщил я. – Потому как мне в данный момент очень, *очень* жаль, что Лэнс уже мертв. И нет, не читай мне нотаций про «оставь мою дорогую доченьку нецелованной», мы это уже проходили! К счастью, я не стрёмный мажонк с даром, идеально подходящим под преступление. А вот твой новый сынок – да. Уверен, что хочешь пускать его в кроватку Джинни?

– Джинни двадцать два, она сама разберётся, кого пускать к себе в кроватку.

Разумеется. Кто угодно достоин твоей дочери, Дар, толь-

ко не я, не тот, кто был с ней рядом столько лет! Не тот, кому она предназначена. Не тот, кто любил её больше всего на свете. Не тот, кто творил всякую хрень и тащил в свою постель кого попало, лишь бы не позволить себе ничего лишнего... Потому что ты убил бы меня. И был бы прав.

Она хотела пустить в свою кровать меня. Но ты, дорогой дядюшка, сделал всё возможное, чтобы этого не случилось.

– Раньше ты так не думал.

– Я учусь на своих ошибках, но ты, похоже, и не пытаешься! – Дар недовольно помотал головой, с силой растёр переносицу. – Хотя, я люблю вас обоих. Плевать, что ты мне не веришь, это правда! Поэтому не вынуждай меня выбирать сторону и оставь уже мою дочь в покое.

– А я что, по-твоему, сделал?!

– Боги, Хотя, да взгляни ты на себя! Пять лет прошло, а ты приходишь как ни в чём не бывало и ведёшь себя точно ревнивый женишок. Хватит этого дерьма, ладно? Хватит. Нет у тебя на это никаких прав. Больше нет.

– Что ж, – холодно отчеканил я, хотя внутри всё просто кипит. От злости, от невесть откуда взявшейся обиды, от желания вгрызться в глотку сопернику, осмелившемуся отбирать то, что всегда принадлежало мне. По праву, да. – На что у меня есть право, так это задержать предполагаемого убийцу, подходящего под описание, вызвать сюда Инквизицию, а потом в суде обвинить всех присутствующих в укрывании преступника. К счастью для тебя, ревнивый женишок пом-

нит, что он ещё и глава клана. И должен заботиться обо всех его членах, начиная с твоей дочери и заканчивая бывшим вожаком, потерявшим нюх.

Дар, до сих пор пытавшийся сдерживаться, резко поднялся с места, оттолкнул стул. Оскалился, и я почти услышал поднимающийся из его груди рык. Признаюсь, на короткое мгновение стало страшно и даже стыдно. Но чувство это быстро ушло, стоило только коротко глянуть в окно.

Во дворе Джинни снова весело возится с близнецами, позабыв о моём приходе.

Не имею права. Не должен смотреть на неё, любить её; Хаос побери, даже дышать в её сторону! Какой-то час назад я и вовсе не собирался ехать сюда. И правильно делал: ведь стоило только увидеть Реджину, как во мне тут же проснулось всё то собственническое дерьмо, от которого я так старался избавиться.

Не избавился.

Она принадлежит мне. Она моя! А он снова пытается отнять её у меня.

– Бывший вожак сам отдал тебе клан! – рыкнул Дар. Не как любящий дядюшка, но как другой альфа. – Но может и забрать назад.

– Он может попробовать, – в тон ему отозвался я.

Никто не смеет оспаривать мою власть. Даже родной дядя. Тем более родной дядя.

– Серьёзно, Хота?

– Я всегда серьёзен, Шандар. В своих намерениях, планах и чувствах. Жаль, что ты этого так и не понял.

Он открыл было рот, но я схватил комм и направился к двери, показывая, что наш разговор окончен. Пока и впрямь не подрались – Изара не одобрит.

– Я всё сказал. Присмотри за своей непутёвой дочуркой; клубочек там дай, пусть поиграет. И не приведи Хаос тебе выпустить её из дома, пока я во всём не разберусь! Быть может, мне удастся сделать так, что вы все тут не сядете.

Молодец, Хота гро Маграт. Показал, кто тут настоящий альфа, а кому пора не пенсию. Разве что взрыва за спиной не хватает, а дверьми я перестал бить ещё пару лет назад.

Осталось только разобраться, откуда взялась эта противная боль в груди.

«К врачу сходи», – едко посоветовал внутренний голос с интонациями бабушки.

Впрочем, лекарство у меня уже имеется. Зовётся работой и уже который год начинается со звонка моей секретарше.

– Эмма, свяжись с Тамритом. Через два часа он должен быть в моём кабинете.

Моя догадливая рыжая стервозина, разумеется, тут же поняла, куда я клоню.

– Решил наконец прижать банду Саргина? Если что, мой ужин будет за счёт отдела, и я оставляю за собой право взять выходной в любой день.

– Я даже куплю тебе те туфли, – со смешком пообещал я.

- И оплатишь внеурочные. В двойном размере.
- Ну разумеется.

Глава 4

А ведь я скучала по Моэргрину. Действительно скучала, сколько бы ни возмущалась дикости здешних мест и порядков; сколько бы ни расхваливала Нью-Аркадиан за его блеск и роскошь... Надо же, каждый раз я так рвалась в столицу, обратно к своим друзьям, к сомнительной работе и столь же сомнительным развлечениям – и каждый же раз, когда приближался день отъезда, украдкой смаргивала слёзы да принималась тискать близнецов. Те, само собой, вечно бухтели и вырывались – они, видите ли, взрослые, таких серьёзных мужиков лапуленьками не зовут и в лобик не целуют! – но вечером непременно прокрадывались ко мне в комнату, чтобы отстроить на кровати нашу традиционную берложку из подушек и одеял, обнимали меня в четыре руки и без конца упрашивали остаться.

Остаться я никак не могла. Едва не всю мою сознательную жизнь я мечтала о Магистерии; именно там я наконец обрела цель в жизни и какой-никакой порядок в голове.

Но теперь с учёбой покончено. И вот я здесь.

– Джинни! Джинни приехала! – загорланили близнецы, не успела я даже выйти из кара. А когда вышла – меня тут же едва не сшибли с ног.

– Потише, засранцы, щас уроните! – со смехом одёрнула и крепко прижала к себе наперебой галдящих мальчишек. И

неволью подивилась – обе вихрастые светлые макушки уже почти достают мне до плеча. В десять-то лет! Ну да, тоже вырастут дылдами, это давно уж ясно. – Что, пока меня не было, решили вымахать с папу ростом?

– Пф! – Бернар отстранился и гордо приосанился. – Да мы его ещё обгоним, вот увидишь!

– Вот увидишь! – звонким эхом подхватил Инсар. – Будем в сто тыщ раз круче нашего старика!..

– Огромные и злобные!..

– И вся округа будет нас бояться!..

– Ибо нефиг!

Боги, они всё такие же несносные.

Я снова рассмеялась и укоризненно покачала головой. А заодно велела себе не тянуть с поиском жилья: пять хищников-альф в одном доме – форменное безумие. Особенно если один из них – твой обожаемый папа с болезненной склонностью к контролю всего и вся. Меня в частности.

Нет, папу я люблю безумно. Как и маму. Сказать, что я рада видеть их после целого года разлуки, – всё равно что не сказать ничего. Рада. Очень. И их донельзя счастливым лицам, и объятьям, от которых трещат кости. И даже отцовским причитаниям, какая я худенькая и что мне нужно лучше кушать.

Серьёзно, почему этот мужчина, внешности и силе которого любой молодняк обзавидуется, ведёт себя словно курица-наседка? Хотя дурацкий вопрос. Я же драгоценная папи-

на принцесса, похожая сразу и на его безвременно ушедшую мамушку, и на любимую женщину, с которой они вместе вот уже почти четверть века. Наверное, будь у меня сын от того, кого я люблю больше жизни, я бы тоже превратилась в оголтелую мамашу.

– Не превратилась бы, – проговорила мама со смешком, когда я озвучила свои мысли. – Мы же не эти клятые медведи с их тягой к берлогам и медвежаткам. Хаос, почему я не родила троих сыновей? Мишек, чтобы у одного кошатника крыша не ехала!

– Нет уж, девочки лучше, – возразил папа, наконец перестав хрустеть моими несчастными костями. – Смотри какая у нас красавица получилась. Я бы ещё от одной не отказался!

– Ни за что, ты не подобьёшь меня на это снова. Нет, Маграт, никаких больше котятков, медвежаток и прочей живности! Я слишком старая для этого дерьма!

Я глянула на маму с неприкрытым изумлением. Это она-то старая? Да сколько я себя помню, она всегда в одной поре: свежая, подтянутая, с чётким рельефом мышц по всему телу и роскошной фигурой, о которой мне можно только мечтать. Страдай, Джинни, не бывает у северянок пышной груди и аппетитной задницы. Все сплошь высоченные и поджарые, хоть обычно и не такие тонкокостные, как я.

Словом, никто и никогда в жизни не поверит, что вот этой глупой южной красотке пятьдесят восемь лет! Как многие отказываются верить и в то, что моя мать – лицензирован-

ная охотница на нечисть, федеральный маршал Антеарра и официальный ликвидатор округа Греймор. Да и вообще она у нас офигеть какая. Кремень. Мне такой никогда не стать...

Ну да я и не претендую. У каждого своя судьба, и моя меня больше чем устраивает.

Почти.

И вот это самое «почти» явилось к нам домой, нагло отняв у меня внимание братишек и заставив столбом замереть посреди сада, так буйно разросшегося в моё отсутствие.

Я смотрела на Хоту – в идиотской клетчатой рубашке, всклокоченного и небритого, на полдвора воняющего маслом, точно его силком вытащили из-под кара и поволокли сюда за шиворот, как нашкодившего кота, – и понимала, что... нет. Просто *нет*. Не отболело, не прошло, не стало ничуть меньше ни любви, ни ненависти.

Только ненавидеть Хоту – всё равно что пытаться влезть в мокрый купальник. Трудно, противно, неудобно и не пойми зачем. А вот любить его всегда было так же просто и естественно, как дышать.

Было. *Было*, Реджина. Вот ключевое слово. Не позорься и не вороши прошлое. Ты не будешь ни раздирать когтями эту наглую рожу, ни радостно кидаться подонку на шею. Просто поприветствуешь так, как положено приветствовать кузена; вы изобразите, что вовсе не желаете поубивать друг друга, и пойдёте каждый своей дорогой.

И плевать, что дорога у вас должна быть одна на двоих.

Плевать, что не могу смотреть на него, не пытаюсь прикоснуться; плевать, что от одного его запаха по-прежнему колени подгибаются, как у глупой школьницы; плевать, что сам он до сих пор глядит и трогает так, как совсем не пододбает двоюродному брату...

Плевать. Потому что едва Хота открывает свою трепливую пасть – и все мои сомнения разбиваются вдребезги.

Он – моя судьба? Вот эта надутая альфа-сволочь?! Какие глупости! Просто у Прядильщика странное чувство юмора. Не мог же он всерьёз связать меня с самовлюблённым эгоистом, неспособным удержать член в штанах? Уж я надеюсь на это. И какая разница, что надежда – аспект совсем другого божества? Никакой. Никакой!

Не ко мне он пришёл, видите ли. Да не очень-то и хотелось! Кому ты нужен вообще, несносный, наглый, самовлюблённый комок меха!

Пренебрежение Хоты, пусть и насквозь нарочитое, задело как ничто другое. Никогда прежде он не обращался со мной так. Это больно ударило по самолюбию; а ещё, что уж там, обозлило изрядно. Да как он смеет являться в мой дом и вести себя так, словно это я испоганила наши отношения, которыми он якобы дорожил?

Как же, как же... дорожил он. С половиной грейморских девиц. С-с-скотина.

На кончиках пальцев то и дело проскакивали искры, а внутри творилось такое, что куда уж тем разломам с их при-

вычкой глотать людей... лично я после встречи с долбаным кузеном была готова сожрать население небольшого приграничного городка. Однако же стоически улыбалась, вместо людишек пожирала пирог с малиной и старательно делала вид, что я самая счастливая киса на свете. А родители, бабушка и даже братья тактично не замечали, как от моего безграничного счастья мигают светильники и дребезжат стёкла.

А он думал, это я перед ним буду извиняться? И за что же – за то, что не стерпела его предательство? За то, что отплатила ему той же монетой? О, ну так не в этой жизни: я слишком себя уважаю!

Жаль только, пять лет назад я не уважала себя как следовало. Иначе не отдала бы свою невинность первому попавшемуся полудурку...

Ну ладно, не первому попавшемуся. Его звали Дерек Кроули, и он буквально преследовал меня целый семестр. Старшекурсник-инквизитор, любимец преподав и предмет влажных мечтаний любой девчонки в Магистерии. Не буду врать, что мне не льстило его назойливое внимание. Может, у нас бы даже что-то и вышло, Кроули был абсолютно мой тип – белобрысая шевелюра, смазливое лицо, уйма наглости и бахвальства, мания величия размером с Тор Гаттар...

«А почему бы и не дать ему шанс?» – думала я всякий раз, когда злость на Хоту, копившаяся месяцами, норвила перевесить любовь к нему же. Мне казалось, что он не заслуживает ни любви, ни верности. Да, Дерек тоже был самодоволь-

ным засранцем и вряд ли воспринимал меня всерьёз, но зато не бегал как от прокажённой. И по бабам тоже не бегал. Или же был достаточно умен, чтобы не выставлять это напоказ.

Словом, всего этого с лихвой хватило, чтобы назначить его почётным дефлоратором.

Зря, очень зря. Не потому, что золотой мальчик Дерек Кроули был так уж плох – он честно старался мне угодить и понравиться. Правда, без толку: мой первый раз был совершенно ужасен...

Просто не стоит ни с кем спать из мести. Ещё и по пьяни. Ещё и с таким же пьяным мудаком, который и на трезвую-то голову не желал слышать слова «нет». Потом, правда, он соизволил меня пожалеть и клятвенно заверил, что уж во второй-то раз мне обязательно с ним понравится.

Может и так, но второго раза не случилось по техническим причинам. Ибо следующим утром Дерек уже валялся в реанимации, до полусмерти избитый одним ревнивым подонком. Сцепились они с Хотой так, что до сих пор вспоминать страшно... И стыдно – глупость сотворила я, а расплачиваться пришлось болвану, без всякого умысла затащившему меня в постель.

Однако и в том, что Хота не в состоянии контролировать свой гнев, я тоже не виновата. Мне вообще перед ним каяться не в чем, пусть катится к Хаосу со своими обидами!

– Ну один в один невестка моя покойная, мир её праху, – ворчливо произнесла бабушка Дердра, когда мы уже проща-

лись: мама собиралась на работу и предложила подвезти бабулю до деревни. Видно, чтобы та не надумала погостить с недельку, ага. – Вот уж была не альфа, а девочка-цветочек, глаза б мои не видали. Зато как разобидится на кого, и всё, пиши пропало – у цветочка-то зубищи что у тех страшил, которых мамка твоя бешеная на службе своей гоняет.

– Я всё слышу, – раздалось снаружи саркастичное замечание. – Дражайшая бабуля пешком топать изволит?

– Ты поговори мне ещё там, напасть полосатая! Мужа б своего непутёвого так воспитывала! – фыркнула бабушка. И, чуть понизив голос, продолжила: – Ты, снежинка, здорово на Хоту нашего взъелась – и правильно, этот паскудник заслужил. Да только судьба вам мириться, девочка, не то в Грей-море нам мира не видать.

Ой, ну началось!

– Ба, чего это ты вдруг? – нахмурилась я. – Ещё не хватало, не буду я ни с кем мириться!

Нет уж. Никогда. Ни за что.

Ну... первой так точно даже не подумаю!

О, прекрасно, Реджина. Стоило разок повстречать «паскудника» и оценить все упрятанные под стрёмной рубашкой перспективы – и ты сразу перескочила на стадию торга. Даже не знаю, это слишком мало секса или слишком много дури в неумной голове.

– Не будешь, так придётся.

– Почему это?

– Потому это, – припечатала бабушка. – Прядильщик не для того полотно своё ткёт, чтоб две малолетние бестолочи могли его испохабить. Уж не тебе ли знать-то, ткачиха?

Не дожидаясь ответа (очень, мать его, красочного!), она клюнула меня в щёку сухими тёплыми губами и с довольным видом прошествовала к подъездной дорожке.

– Не спи, чернявая, драндулет сам себя не заведёт!

Что там в ответ съехидничала мама, я уже не слушала – от души хлопнув дверью, едва не бегом пронеслась к себе в комнату, плюхнулась на постель и принялась злобно комкать в пальцах покрывало. Тоже мне... Прядильщик может хоть заткаться, а всё равно я буду делать что хочу и с кем хочу!

Ну, по крайней мере, мне нравится так думать.

Ох, боги... может, мне и впрямь не стоило возвращаться?

Нет, нет и нет. Моэргрин – мой дом, и чтобы выжить меня отсюда, понадобится что-нибудь покруче очередного нахального альфача. Да я сама его выживу, если понадобится. И клан к рукам приберу. А что, я тоже гро Маграт, имею право!

С тем же свирепым настроем я поднялась и зарылась в ближайший из трёх чемоданов.

Итогом десятиминутных раскопок стали маленькое чёрное платье без рукавов (идеально, когда в душе не разумеешь, что бы такое надеть) и любимые серебристые босоножки на тоненькой шпильке. Ну да, когда-то я, может, и стеснялась своего роста, но это время давно прошло. Подумаешь,

сто восемьдесят. Зато ноги – целый метр!

Стоило внимательно оглядеть себя в зеркале, настроение тут же поползло вверх. Отлично. Осталось только по-быстрому накраситься (боги, спасибо Сэре за науку, раньше я это считала пыткой), худо-бедно укротить густые непослушные волосы и вдеть в уши любимые изумрудные серьги.

А, ну и Олли разыскать. Не пойду же я без него развлекаться, ну в самом деле?

Мой друг, впрочем, уже стоял за дверью моей комнаты, вполне себе приодетый и причёсанный.

– Да ты издеваешься! – весело всплеснула я руками. – Признай уже, что получал диплом у менталистов!

– Мой КС к ментальной магии – семнадцать процентов, – не стал отпираться Олли. И протянул мне мой же комм. – На самом деле Арти никак не мог до тебя дозвониться, поэтому мы с ним договорились без тебя. Идём, он будет ждать нас в девять у входа в Вечерний квартал.

– Вечерний квартал? – фыркнула я. – Братец-котик решил, что нам дружно надо пойти и снять шлюх? Заманчиво, но у меня не настолько паршивое настроение.

– Из-за Хоты? – Олли приобнял меня за плечи и повёл к выходу. – Он жуткий козёл, наплюй на него. Ты ведь знаешь, что достойна большего.

– Не могу не согласиться, – послышался позади голос папы, и я едва удержалась, чтобы не закатить глаза. Напрасно было думать, что мы смоемся из-под носа у лучшей ищейки

Греймора, но может же девушка помечтать. – Куда-то собралась, красотка?

Странно, что сразу не сел на любимого конька: мол, уже поздно (да, в полдевятого-то вечера), а платье непозволительно короткое. Неужели свыкся с мыслью, что я уже давно совершеннолетняя?

– Виновна, папочка, – пробормотала я, обернувшись к нему. – Да, мы немного погуляем. Нет, без стриптизёров и наркоты. Да, вернусь поздно.

– В полночь.

О, ну да, мечтай.

– Пап, мне двадцать два!

– В час? – с надеждой предложил папа. Вроде как и ухмыляясь с подначкой, но я же вижу – он чем-то встревожен и явно не в восторге от моего ухода. И вообще не в духе.

Хота, что ли, какой фигни наговорил? Вот придурок-то, зря я ему ничего не отгрызла.

– Ну пап!

– Ладно, ладно, я понял! – ворчливо отозвался он. – Стриптизёры, наркота, ждать под утро. Хотя бы держи телефон включенным.

– Хаос всесильный, будь я моей мамой – непременно бы с тобой развелась!

Нет конечно. Мой папа – самый лучший мужчина на свете, и любая женщина была бы счастлива иметь такого мужа. Пусть даже иногда он несносный и чересчур опекающий. Ну,

как и все альфы.

– Кто б тебе позволил, наивная? – меня обняли и крепко прижали к груди, точно это меня спасёт от мифических стриптизёров и уложит спать в десять вечера. – Я слишком люблю вас обеих, знаешь?

– И я тебя, пап, – со вздохом вернула ему объятие.

– Но взрослая дочка – такой отстой! Надо уломать Изару на ещё одну.

– Ха, удачи. Можно мы пойдём уже?

– Детка, а это платье не коротковато? На улице прохладно...

– Па-ап!

Он довольно рассмеялся и наконец соизволил выпустить меня на свободу.

– Олли, ты за старшего! Приглядывай за моей снежинкой, чтоб никуда не вляпалась.

– Папа, он младше меня на три месяца. И хватит меня позорить!

– Конечно, Дар, – невозмутимо заверил Олли и, вытерпев традиционное отеческое похлопывание по плечу – серьёзно, папа норовит усыновить всех, кто младше тридцати! – увёл меня к гаражу. – Боги, Джинни, прекращай кипеть. Отец тебя любит, здесь нечего стыдиться.

Я хотела огрызнуться, что он просто никогда не был на моём месте... но, к счастью, вовремя заткнулась. И впрямь ведь не был. Нельзя говорить такие вещи парню, которого

родители не пускают на порог уж пять лет как.

– Я знаю, – ответила в итоге. – Но всё равно он порой невыносим. И давай-ка шустренько свалим, пока он не пошёл на второй круг!

– Поддерживаю.

Дом домом, а ведь каждый раз приходится заново привыкать к Греймору с его анахронизмами на каждом углу. Моэргрин особенно красочен (и убийственен для психики): стеклянно-стальные громады офисных кварталов высятся тут и там, а под ногами крошатся древние каменные мосты; новехонький небоскрёб непременно будет соседствовать с приземистым чудищем постарше Первой Инквизиции...

Но тяжелее всего привыкнуть к несмолкаемому звону незримых нитей. Магия Хаоса плотно пронизала воздух, так и норовя вплестись в самую мою суть. Плохая идея: избыток энергии опасен и для носителя, и для окружающих. Захочешь подкурить сигаретку, а тушить придётся весь дом. С другой стороны, ни одному заклинателю такая заначка лишней не будет...

Мои раздумья были бесцеремонно прерваны – сильные руки сомкнулись вокруг талии, а над ухом послышался заговорщицкий шёпот:

– Попалась!

Секундное возмущение и порыв лишить наглеца пары конечностей тут же стихли под натиском восторга.

– Арти!

Я обернулась и радостно повисла у него на шее, благо размеры позволяют. Ростом и статью Артизар Крэстани – полный тёзка моей матушки и по совместительству сын её сводной сестры – пошёл в северную родню. А вот в остальном, не считая синих глаз, сущий южанин: смуглый, черноволосый, очень миловидный. Мы вполне можем сойти за двойняшек, тем более что у нас всего полгода разницы. Да и выросли, считай, вместе; и учиться поехали почти одновременно. Правда, мой кузен изучал журналистику и отмотал срок на год раньше. И да, я жуть как скучала по этому болтливому зануде!

– Боги, ты всегда был такой громадный? – шутливо изумилась, отступив на шаг и демонстративно оглядев его с ног до головы. – Или просто ещё вымахал, пока мы не виделись?

– Да не ври, дальше уже некуда, – Арти с напускным недовольством растёр щёку, на которой красовался яркий малиновый след моей помады, и разулыбался во весь рот. – Чтоб тебя, Джинни, незаконно ж быть такой красоткой! Мне теперь весь вечер, что ли, поклонников отгонять?

– Зачем? У меня есть меташокер.

– А, ну тогда ладно.

Мы хором рассмеялись и снова потянулись друг к другу. Кошки – существа ну очень тактильные, даже если это асоциальные полосатые злоки вроде нас, тигров.

– Крэстани, кончай уже флиртовать со своей кузиной, – послышался чей-то насмешливый голос. – Я тоже хочу

урвать от неё кусочек.

Мы нехотя разомкнули объятия, и я с интересом уставилась на спутницу кузена – высокую рыжеволосую девушку со стильной короткой стрижкой, очень характерно заостренным личиком и не менее характерным разрезом глаз – точно она всё время хитро щурилась, замышляя какую-то шалость. Угу, вот оно как. Готова своё лучшее бельишко проставить, что девица носит фамилию Нильсон. Ну или Престон, судя по отнюдь не грейморскому говору.

– Спасибо, ты тоже ничего, – уронила эдак свысока, стараясь не фыркнуть. – Может, ну их, этих мальчиков?

Лисица коварно оскалилась, сжала мою ладонь в своей, скользнула бархатистой щекой по моей щеке... нет, вовсе не анонсируя лесбийское шоу, а просто запоминая мой запах и давая запомнить свой. И громко прошептала:

– Я ждала, когда ты предложишь.

– Кажется, мы оба остались без пары на сегодня, – меланхолично заметил Олли, пряча усмешку.

– Не так быстро, девочки, – Арти со смехом покачал головой. – Ну, в общем... Реджина, Оливер, это Наоми Престон, моя девушка...

– Твой босс, – поправила Наоми с явным удовольствием.

Арти тут же соорудил свою фирменную физиономию зануды в свитере с оленями и вскинул указательный палец.

– Эй, вообще-то ты босс моего босса!

– И как же это говорит в твою пользу?

– Никак, мне просто хотелось сделать остроумное замечание.

– Хреново у тебя получилось, котик!

– Ой, не делай вид, будто я тебе не нравлюсь!

А они милые. И надо же, наш Арти, похоже, здорово влип.

Ни перед одной девицей он в жизни так не робел и не мямлил, а ведь подружек у него была просто уйма.

Меня они, кстати, обычно терпеть не могли: я вечно казалась им конкуренткой на полосатую задницу кузена, тем более что у нас с ним ни капли общей крови. Но лисица вроде смотрит с симпатией, да и мне она понравилась – не похожа на дурочку или стерву. Опять же, она из нашего мохнатого круга. Не вампирша и, слава богам, не человек.

Нет, я не расистка, честно! Бывают вполне славные вампиры, а мои лучшие друзья – чистокровные люди. Но совместимость у наших видов... так себе. С кровососами мы частенько не совпадаем по темпераменту, а с людьми и вовсе почти по всем пунктам. Начиная с физиологии и заканчивая койкой.

Ну, так говорят. В моей койке, как ни странно, оборотней не случалось.

Забегаловка, в которую нас привёл Арти, гудела точно трансформаторная будка – так много чар было натянуто вокруг. На вычурной вывеске, как это принято у кровососов, вместо названия значится фамилия Монтеро. И с каких это пор братец-котик стал любителем вампирских притонов?

Впрочем, вампиров в просторном зале оказалось не так уж много – нашей мохнатой братии куда больше. Обычно я комфортно чувствую себя среди своих, но сегодня пристальные, алчные взоры старательно приноживающихся оборотней выводят из себя. Того гляди, пальцем показывать начнут. Неужто их всех мамы не учили хорошим манерам?

Вот поэтому-то я и предпочитаю обычных мужчин. По крайней мере, они хотят меня не потому, что я альфа и гро Маграт.

– Тебе здесь не нравится? – проницательно заметила Наоми, едва мальчики усадили нас за круглый столик в углу и ушли к барной стойке.

– У меня просто настроение паршивое, – честно призналась я. – В такие вечера я заваливаюсь в первый попавшийся клуб и танцую до упаду со всеми мало-мальски симпатичными парнями... Но так-то неплохое местечко.

В самом деле, неплохое. Довольно уютное, в меру пафосное. Зал, просторный и прохладный, погружён в комфортный нелюдскому глазу полумрак; музыканты играют со сцены что-то лёгкое и ненавязчивое; народу много – как-никак, вечер пятницы, – но грамотно растянутая по периметру зала сеть заклинаний сглаживает все шумы и даёт иллюзию уединённости. Самое то для дружеских посиделок.

– Значит, босс его босса? – спросила с усмешкой, прежде чем девочка-лиса начала вынюхивать, что не так с моим настроением. – Как это вообще работает?

– Уж тебе-то не нужно объяснять, что болтовню Арти стоит делить надвое? – фыркнула Наоми. – Я всего лишь главный редактор его отдела. И неплохо бы мне в будущем году получить повышение, чтобы этот полосатый засранец не задумал меня подсидеть.

– Хотела бы я сказать, что он бы не посмел, да вот только наш Арти...

– ...бессовестный карьерист и тот ещё говнюк, – закончили за меня. – Киса, я не питаю иллюзий на счёт Арти. Хотя до старшего брата ему далеко – вот уж с кем свяжется только наглухо долбанутая!

– Вот уж согласна, – пробормотала я, нервно крутя на запястье тоненький браслет. Вспыхнувшее было веселье улетучилось прочь. – Значит, вы с Хотой не ладите? Обычно он нравится девушкам...

– ...до тех пор, пока не откроет рот, – съязвила Наоми. – Хотя, кажется, убеждён, что любая девица обязана потечь, едва завидев хамоватого мужлана на крутой тачке.

Очень метко сказано. Однако мне всё равно сделалось до жути неловко и неприятно. Неужели она не знает?..

– Полагаю, ты недавно переехала? – я натянула на лицо дежурную улыбку. Это искусство я освоила, когда работала танцовщицей: посетители куда охотнее делают кассу, если девушки милы и приветливы. – У тебя западный акцент.

Наоми охотно сменила тему и поведала мне о своём переезде из Нью-Алькасара в Моэргрин. Попутно выяснилось,

что маршалу Мидори Престон – альфе клана Нильсен – она приходится троюродной сестрой. И в сентябре ей будет тридцать. Ни за что бы не догадалась! Ну да, как это обычно и бывает у оборотней.

– Всё в порядке, Джинни?

Это Олли вернулся и поставил передо мной бокал с лимонным дайкири.

– В полном, – улыбнулась я и, сделав глоток, зажмурилась от удовольствия. – А здесь отличный бар.

– За то и любим, – охотно поделился Арти, потягивая через трубочку какое-то гламурно-розовое слоистое нечто в аляповатом высоком стакане.

– Ты уверен, что это пойло не угрожает твоей мужественности?

– Не уверен, но послушай, оно слишком вкусное!..

Кроме шуток, оборотни очень уважают хорошую выпивку. Всякую химическую дрянь мы вычисляем на раз: пить такое – форменная пытка. А вот этот коктейльчик чудо как хорош: стоит сделать глоток, во рту разливается сладость рома, дымчатая крепость дорогого коньяка и бодрящая кислинка свежавыжатого лимонного сока...

В общем, ничего удивительного, что я вскоре опустошила бокал и, оставив Олли весело болтать с кузенком и его лисицей, бодро отправилась за добавкой.

Сбежала, если уж говорить по-честному. Донельзя тошно бывает смотреть на чужое воркование, когда у самой в груди

каменоломня.

– Тройной виски, безо льда, – слышался вдруг сбоку густой баритон. – И ещё бокальчик вон той сладкой бурды для вот этой сладкой девочки.

Я машинально огляделась в поисках «сладкой девочки». Не нашла, что характерно. Пришлось неохотно признать, что речь обо мне. Повернулась, чтобы смерить наглеца уничижительным взглядом, да так и застыла на месте.

Длинноволосый громила в кожанке оказался весьма хорош собой. Явно родом с дальнего севера: волосы у него белокурые, почти серебряные, а хитрые раскосые глаза – они наоборот такие тёмно-синие, что кажутся чёрными. Лицо худошавое, жёсткое, но вовсе не грубое – точно некий скульптор решил изваять конфетного красавчика, но изрядно переборщил с резкостью линий. Не типичная грейморская внешность, такие ледяные принцы обычно близ Морнуота водятся. Но почему он кажется знакомым?

И пахнет тоже знакомо. Волк. Альфа... Хотя о последнем и без запаха можно догадаться: только альфа-самцы в любой ситуации держат себя так, словно им принадлежит весь мир.

– Не узнаёшь меня, милашка? – выдохнул мужчина. Чётко очерченный рот растянулся в нагловатой усмешке. – Помочь тебе вспомнить?

– Чувак, этот подкат постарше моей бабули будет.

Волк рассмеялся (и сделался совсем уж до неприличия хорош собой).

– Щенок сенбернара, – только и сказал он.

Тут уж я наконец вспомнила и восторженно приложила ладонь ко рту. В мои семь лет щенок казался самым чудесным созданием на свете, и я жутко завидовала тому пацану, которому он предназначался в подарок.

«Я бы непременно подарил его такой чудесной девочке, но Йен очень-очень его ждёт. Да и вряд ли маршал мамуля оценит такое прибавление в семействе», – как наяву зазвучал ласковый голос грозного с виду парня, который привёз маму домой – она тогда заработала одно из бесчисленных своих ранений и не могла сесть за руль. Из машины парня она выскочила ну очень резво, а «мелкое слюнявое чудище» радостно припустило за ней – и добрых полчаса нас не могли разлучить ни она, ни временный владелец щенка...

– Маршал Ярлак! – наконец выдала я.

– Брендан, – поправил волк, выразительно поморщившись. – Не выношу, когда красивые девушки зовут меня маршалом.

– А красивые девушки не выносят, когда нахальные альфаши пытаются ими помыкать, – фыркнула я. – Причём даже не прихватив с собой щеночка.

Брендан прищурился не то насмешливо, не то мечтательно.

– Прошу меня извинить, Реджина. Могу я угостить тебя?

Первым порывом было решительно отказаться. Но какого ж хрена? Я свободная кошка, а этот тип безбожно привлека-

телен – имею право делать с ним что захочу.

Жаль только, что особо ничего не хочется.

Ну да ладно, новый бокал уже всё равно поставили передо мной.

– Можешь, – великодушно разрешила я. – только в следующий раз сначала спрашивай, а потом угощай.

– Как пожелает моя леди, – церемонно кивнул гро Ярлак, приложив руку к груди. Позёр. – С возвращением, Реджина, – он отсалютовал мне стаканом с виски. – И не оставляй нас больше – твои родители совершенно невыносимы, когда скучают по тебе.

– Даже мама?

– Особенно мама, – заверил он, понимающе улыбнувшись. – Изара не очень хороша в выражении эмоций, но я-то её знаю уже добрых пятнадцать лет... О, отлично, Брен, ты подкатил к прелестной кошечке, чтобы посплетничать про её мать. Ну и насколько я стрёмный по шкале от одного до десяти?

– Четыре.

– Всего-то? Да я перспективный!

Я невольно хихикнула, с удивлением отметив, что настроение снова поползло вверх. Может, он и впрямь перспективный. По крайней мере, после Лэнса с его мерзкими приставаниями. И после Хоты с его демонстративным нежеланием иметь со мной дело.

Да не больно и надо! Тоже мне, всеобщее достояние Се-

вера выискалось!

Однако же на фоне предыдущих двух альфа-засранцев маршал Ярлак впрямь поражает манерами. Понятно, что это он просто втянул когти и наспех изобразил домашнего щечка, но... постарался же, чтобы мне понравиться. Это подкупает. Настолько, что я почти безропотно беру из его рук комм и записываю свой номер.

Заполучив желаемое, Брендан уже не трудился скрывать торжествующую усмешку – как же, рыбка на крючке, киска в коробочке. Однако он лишь пообещал позвонить мне и тактично заметил, что мои друзья меня заждались.

И то правда: с альфа-волком мы трепались, наверное, добрых четверть часа. Поэтому я чуть спешно распрощалась с ним и, подхватив со стойки третий бокал дайкири, пошла обратно к своему столику.

– По-крупному играешь, да, киса? – Наоми картинно нахмурилась и погрозила мне пальцем. – Ну, имею сказать, что вы с этим здоровяком славно смотрите вместе.

– Кому как, – буркнул Арти, болтая соломинкой в опустевшем бокале. – Маршал пёсик, серьёзно, Реджина?

Я зло сощурилась.

– Какие-то проблемы, братец?

– Никаких, сестричка, – отрезал он, дёрганным движением отодвинув бокал. Ясные голубые глаза коротко сверкнули, на миг становясь такими же пронзительно-жёлтыми, как мои. – Но у Хоты найдутся возражения, уж не сомневайся.

– У Хоты найдутся его шалавы, как и прежде! – тут же огрызнулась я, до хруста стиснув пальцы на столешнице. – А возражения пусть засунет себе в зад и хорошенько провернёт. Нет у него никакого права возражать!

Отлично сказано, Реджина. Жаль только, когда дело касается Хоты, слова у тебя частенько расходятся с делом.

– Крэстани, мне кажется, ты забыл сообщить мне пару-тройку важных вещей о своём семействе, – пробормотала Наоми, явно смущённая нашей перепалкой. А заодно и не таким уж давним разговором. – Реджина, мне следует извиниться за?..

– Не глупи, лисонька, – оборвала я. – Твоя правда, в Хоту втрескается только наглухо долбанутая. Лучше скажи – куда, Хаос побери, вы дели моего Оливера?

– А, хм, он отошёл позвонить, – Наоми нервно взъерошила свои огненно-рыжие волосы, отчего те забавно встопорщились на макушке. – Что-то долго его нет...

– Сейчас поищу.

Не обратив никакого внимания на требовательный оклик Арти, я быстрым шагом направилась к выходу. Надо разыскать Олли, пока тот не успел никуда вляпаться.

Глава 5

Как и в прошлые наши встречи, Салливан глазел на меня вызывающе и нагло. Его пылкие чувства ко мне тоже не изменились. Неприязнь, граничащая с ненавистью. Презрение. И с трудом контролируемый страх. Не перед окружным прокурором – кто из местной шпаны вообще боится законников? – но перед оборотнем, способным перебить ему хребет одним ударом.

Много чести – скалиться на малолетку. Тем более когда есть законные способы испортить ему жизнь. Без всякого физического насилия. Но откуда бы простому карманнику знать, что уголовный кодекс мне нравится больше моих медвежьих когтей?

Сядет он, впрочем, не за кражи, а за торговлю наркотиками, нападения и разбой. Или не сядет – если перестанет строить из себя крутого парня из компании таких же крутых парней.

– Итак, Рэй, – для вида бросил взгляд на его дело, хотя прекрасно помню имя, – давай начистоту. Мне надоело это дерьмо. Ты и твои дружки три месяца проедаете бюджет Греймора, а я, как сын префекта, должен заботиться о благосостоянии округа.

– Заботиться? В костюме-то за полтора куска? – неприятно скривился Рэй. – На эти деньги можно жить месяц!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.